

Константин Бояндин

Гори, гори ясно

12+

Константин Бояндин

Гори, гори ясно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50982941

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07687-7

Аннотация

Каждый, кто держит кошку, хоть раз да разговаривал с ней. Пусть даже ответа не ожидалось. Зато как они умеют слушать! Но когда внезапно осознаёшь, что кошки умеют не только внимательно слушать, но и общаться понятным человеку образом – вполне можно испугаться. А стоит лишь приоткрыть завесу этой тайны, как следом начинают открываться новые, не менее пугающие. И расхожая фраза «кошки правят миром» уже не кажется просто забавной шуткой.

Содержание

1. Выставка	4
2. Незримый сфинкс	9
3. Краем глаза	15
4. Не оглядываться	21
5. Зазеркалье	30
6. Мадам де Помпадур	41
7. Знак качества	52
8. Медосмотр	62
9. Чёрная метка	74
10. «Да» и «нет» не говорите	88
11. Магический квадрат	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

1. Выставка

Ну как можно пропустить очередную кошачью выставку? Несмотря на то, что оба наших питомца, Герцог и Плюшка, крайне неодобрительно относятся к подобным походам (их-то дома оставляют), мнение людей перевешивает. Если только не мешают обстоятельства непреодолимой силы.

Вера и дети сразу же обосновались у сцены, где вот-вот начнут проводить конкурсы, а сам я бродил вокруг – смотрел, удивлялся, восхищался. Пока не услышал несомненные, но едва различимые голоса. Или что-то показавшееся мне голосами.

– И что же так раздражает Вашу светлость?

Так мы Герцога зовём. Помимо действительно очень светлой шерсти и надменного в целом вида, у него и манеры взятые аристократа. В роду его явно не обошлось без британца.

– Баст, я к вам обращаюсь!

Я смотрел в этот момент на величественно спящего в клетке передо мной мэйнкуна. Обладательница голоса, несомненно, была дама жёлчная, спесивая и не терпящая возражений. Вон с какой издевкой произнесла «Вашу светлость».

– Мама, мама, смотри, какой смешной раб!

А это ребёнок. И судя по голосу, тоже весь из себя спесивый и дурно воспитанный. Странные бывают здесь посети-

тели...

– Мама, он нас слышит?!

Мне стало не по себе. Боковым зрением вижу, что ни слева, ни справа никого на десяток шагов. На сцене уже началось действие, весь народ там. Один я здесь, и то потому только, что мне неинтересны все эти конкурсы. Я оглянулся.

Никого. За спиной – клетка с кошкой-персиянкой, в начале выставки с ней сидело три котёнка, сейчас один. А справа в соседней клетке другая кошка – страшноватый, складчатый сфинкс. И все смотрят на меня.

Возникло ощущение, что я сплю. Ноги сами собой сделали пару шагов, а руки взяли лежащую на клетке с персами хлопущку – длинную палочку со многими верёвочными хвостами на конце – посетители могут поиграть с котёнком. Я отрешённо смотрел, как руки сами собой взмахивают хлопущкой, а котёнок самозабвенно прыгает по клетке вслед за «добычей». А потом я точно так же положил хлопущку на место, отвернулся и продолжил созерцать мейнкуна. Попробовал пошевелить пальцами – те повиновались, а только что действовали как бы сами по себе.

– Обычный раб, тебе показалось, – тот самый, сварливый женский голос. – Веди себя прилично! Баст, ну и долго я буду ждать? Вы назначили эту встречу, сама бы я в эту клоаку не поехала.

– Откуда у вас такие манеры? – другой голос, другая женщина – воображение рисует даму в годах, с хорошим вкусом,

изящно одетую. – «Раб» – подумать только. Вы сколько столетий не следите за новостями?

– Вы не хуже меня знаете, Ваша светлость, что суть не меняется. Ну, так что вы хотели обсудить? И почему именно здесь?

– Костя, с тобой всё в порядке? – взяла меня за руку Вера. «Ого, конкурсы уже закончились? Я что, простоял тут все эти полчаса? И кто именно говорил рядом со мной?» – пронеслось в моей голове.

– Вполне. – Я помотал головой. – Что, будем фотографировать?

– Будем! – Довольная Вера показала фотоаппарат. – Не скучай!

И ушла, тут есть что фотографировать. И кого. Голосов больше не раздавалось, и я...

– Мама! Хочу этого раба! Купи его!

– Не хотите взять котёнка? – А это голос человеческий. Вернулась хозяйка персидской кошки и её отпрыска. И она обращалась явно ко мне.

– Нет, спасибо, у нас уже двое, – ответил я абсолютно честно.

– Не скандаль, Эдуард. – Та самая, сварливая невидимка. – Видишь, у раба уже есть хозяева.

Я чуть не сел прямо там же, где стоял. Я что, один это слышу?

– Хочу этого! Этого! Этого-этого-этого! Ма-а-ама!

– Ух, как разошёлся! – умилилась хозяйка. Котёнок, только что сидевший спокойно, носился по клетке, бесстрашно взбирался по стене до потолка и прыгал назад. Его мама, спесивая и надменная, холодно смотрела на эти забавы. Котёнок азартно попискивал.

– Хватит, Эдуард, – второй женский голос. Котёнок враз угомонился и сел, облизывая левую переднюю лапу. – Дай нам поговорить. А человека мы тебе найдём, не беспокойся.

И всё. Никаких больше таинственных голосов, обычный шум и гам весёлой кошачьей выставки. Я вернулся в фойе как в тумане. Уселся на скамейку, отыскал в рюкзаке бутылку минералки и основательно к ней приложился. Примерещится же такое!

И тут мимо меня прошествовала клетка-переноска, в которой сидела та самая кошка-сфинкс. Хозяйка кошки остановилась о чём-то поговорить с администратором, и кошка оказалась на расстоянии пары шагов от меня. Я заметил, что она смотрит мне в глаза.

– Я всё слышал, – сказал я тихо. – Но никому не скажу. – Сам не знаю, зачем добавил это. Кошка кивнула, едва заметно, но несомненно, а меня словно окатили холодной водой. Я закрыл глаза и помотал головой. Когда открыл, кошку уже унесли. Признаться, я был этому рад.

– Надеюсь, хоть вы не разговариваете, Ваша светлость! – сказал я Герцогу, когда мы вернулись домой. Странные события выставки успели частично выветриться из памяти.

Герцог смерил меня взглядом пронзительных жёлтых глаз и, опершись спиной о диванную подушку, продолжил приводить в порядок когти. «Некогда мне с тобой глупостями заниматься», – явственно говорил его взгляд.

2. Незримый сфинкс

Работа (по основной сейчас специальности я литературный редактор) захлестнула с головой. И то сказать, в «самотёк» всегда приходит множество произведений, и я сейчас являюсь одним из рубежей обороны. Поразительно, что чем менее грамотными в целом становятся люди, тем больше приходит рукописей. Естественно, с точки зрения авторов, это всё шедевры. А моей бедной особе всё это просматривать, и пытаться выудить тот самый грамм радия. Если он есть.

Вера шутит, что там всё больше полоний. Учитывая, что по основной специальности она химик-технолог, шутка удачная. Я достаточно быстро задвинул поглубже в память события на выставке. Настолько, что сумел вернуться к текущей работе.

– Мрррам? – Герцог вышел из туалета, посмотрел вверх, он всегда так делает, и объявил городу и миру, что в кошащем лотке нужна уборка. Вот прямо сейчас.

– Костя! – позвала Вера из кухни. – Убери, пожалуйста!

– Дежурный раб, на выход! – пробормотал я, дописывая последние несколько слов. Есть моменты, когда работу ни в коем случае нельзя бросать, пройдёт даже пара минут, и нечто очень важное напрочь выветрится из памяти. Когда людей нет дома, Герцог и Плюшка могут по многу раз поль-

зоваться лотком – оба чистоплюи, всё закопают тщательнейшим образом. А когда люди дома – нечего им рассиживатьсь. Кошки сходили в туалет – ну-ка, быстро убрать!

– Мрррам! – Герцог уже требовал, а не просто объявлял. Ладно. Его светлость совершали обязательный ритуал очищения после посещения лотка и взглядом меня не удостоили. Нечего баловать.

И тут я вспомнил весь тот странный «разговор», и моменты, когда вроде бы не по своей воле играл с котёнком. Так нахлынуло – аж голова закружилась. Закончил с чисткой лотка, и, вымыв руки, твёрдо решил: «Расскажу хотя бы в общих чертах».

Я вошёл на кухню – там Вера и близнецы, увлечённо готовят пирог. И тут со мной что-то случилось. Словно щёлкнуло тумблером в голове, я даже звук щелчка услышал. И осознал, что стою с не очень осмысленным видом в дверном проёме кухни, смотрю куда-то в окно. Плюшка тоже здесь – сидит на подоконнике и смотрит на действие.

– Костя? – Вера оглянулась. – Что ты хотел сказать?

Надо заполнять вакуум. Ну, тут несложно: я иногда цитировал перлы из того потока, который должен отсеять. Благо только что читал очередной образчик. Рассказал какую-то нелепицу из непризнанного шедевра, все посмеялись, можно уходить. Я пошёл в свой кабинет...

Щёлк! Ещё раз. И снова всё вспомнил. В том числе своё странное обещание никому не рассказывать. И ощутил, что

ноги примёрзли к полу.

На перилах балкона (дверь туда была закрыта) сидела кошка. Та самая, или такая же – не помню в подробности её окрас. Тот самый сфинкс. Сидела и смотрела на меня.

Что-то пронеслось мимо меня. Плюшка! Обычно ленивая и неторопливая – за исключением моментов, когда зовут на кухню – она в три прыжка очутилась на подоконнике закрытого окна и уставилась на непрошеную гостью.

Видеосъёмку я включил, едва опомнился. Кошка-сфинкс так и сидела, глядя на меня. А Плюшка уже уткнулась мордочкой в стекло, сверля пришелицу-гостью взглядом. Но хвостом не мела, уши не прижимала. Я, держа телефон перед собой – отличный кадр: и сфинкс, и Плюшка видны – медленно пошёл к балкону. Кошка по ту сторону (это к ней на выставке обращались «Баст»; скромное такое имя) словно ждала этого. Она неторопливо пошла налево, там за бетонной стеной перила нашего балкона переходят в перила соседского. Плюшка поворачивала голову следом не отрывая взгляда. Кошка на балконе дошла «до границы», ещё раз оглянулась, посмотрела на меня, и исчезла у соседей.

Не прекращая съёмки, я открыл дверь балкона (Плюшка тотчас спрыгнула на пол, и побежала на балкон). Вышел и заглянул туда, на соседскую сторону.

Никого нет на их балконе. Никого и ничего. Чистота, вещей и хлама не хранят, кроме пары деревянных стульев и коврика ничего нет, пусто. Куда делась кошка?

Спрыгнула? Всё бы ничего, но мы живём на девятом этаже, и деревьев поблизости нет. Я посмотрел вниз, на газоне никого. Даже если бы пришелица спрыгнула и выжила, не успела бы далеко убежать.

Так. Теперь главное – выпроводить Плюшку; у кошки хватило бы ума запрыгнуть на перила, а последствия могут быть печальными. Плюшка не желала выпроваживаться, тихонько и возмущённо мяукала, но всё же покинула балкон. А я заметил на перилах явственные следы кошачьих лап: тончайший слой пыли – порядок на балконе наводим раз в неделю – и на нём чёткие отпечатки. Да и видео есть! Специально проверил, что всё запечатлелось. И с этим вернулся на кухню.

– Как интересно! – Вера высказалась первой. – А на кого она смотрела?

Как это на кого?! Ведь на видео...

Щёлк! И слова застряли в глотке. А потом и вовсе забылись, ненадолго.

– Странно, – подвела итог Вера. – То есть ей померещилось, что кто-то там ходил? Ну да, вижу – ни у нас на балконе, ни у соседей никого.

А отпечатки кошачьих лап? Их тоже вижу только я? Похоже, только я.

В полном недоумении я вернулся в кабинет (по дороге, внезапно, вновь вспомнил все подробности балконного «визита») и переписал видео с телефона на компьютер. Вклю-

чил воспроизведение. Ну вот же она, сфинкс, во всей красе! И смотрит именно мне в глаза, не в объектив!

Лёгкий топот, и вот уже Плюшка возникла на столе. Любит лежать рядышком, там нарочно постелен коврик для неё, и наблюдать, как работает её человек. А сейчас она уселась и уставилась на ролик. И смотрит, если не ошибаюсь, именно на сфинкса. Что за наваждение?!

– Ты тоже её видишь? – спросил я у Плюшки. Она повернула голову и пару секунд смотрела мне в глаза. Вот сейчас я услышу «Ну естественно!», и можно будет звонить психиатру, записываться на приём.

Ничего не случилось. Я нажал на пробел – пауза – и Плюшка тут же отвернулась и спрыгнула со стола. Неподвижная картинка, видимо, не так интересна.

Ну, я так просто этого не оставлю. Невозможно просто отмахнуться! Даже если никто, кроме меня, не замечает «незримого сфинкса», я обязательно постараюсь докопаться до истины. Сказано – сделано. Я начал смотреть видео покрупнее. Тридцать кадров в секунду – это надолго, даже для видео в три минуты длиной.

Захотелось протереть глаза. Сфинкс не на каждом кадре присутствует! Остальные предметы вели себя, если так выразиться, обычно: были на каждом кадре, чёткие либо размытые. А сфинкс не на каждом! Но на тех, где её видно, изображение чёткое, резкое, ничего смазанного!

Почувствовал, что меня бросило в жар. Я даже прогулял-

ся в ванную, умылся. Не очень помогло. Полистал следующие кадры. Да, везде так. Либо сфинкса нет, либо он чёткий и резкий, чем отличается от большинства остальных объектов съёмки. Я сел записывать, на каких кадрах кошка есть, на каких её нет, и увлёкся этим занятием настолько, что пришёл в себя, только когда Вера потрепала меня по голове.

– Сделай паузу, – взяла меня за руку. – Пирог готов! Идём обедать, только тебя ждём.

Плюшка, без сомнения, уже там. Пусть даже ей ничего не перепадает со стола, её долго отучали попрошайничать, и практически отучили, но она всё равно будет сидеть или ходить и тереться о ноги. Герцог, естественно, не явился. Ему-то зачем? Он выше всего этого... пока не почувет, что в его миску кладут что-то исключительно вкусное.

Завтра выходной. Надо будет повнимательнее посмотреть на кадры. А заодно и выяснить, где этот сфинкс живёт. Где-то на фотоснимках с выставки остались координаты владелицы.

3. Краем глаза

Представьте: вы понимаете, что прикоснулись к необычной, невообразимой загадке и не можете никому ничего рассказать, вам всё равно никто не поверит. Ваши действия?

У меня хватило ума не показывать ролик кому-то ещё, или попытаться рассказать. Тем более, что на следующее воскресное утро...

– Мама! – позвала Аня с балкона. – Смотри, тут следы!

– И действительно, – удивилась Вера. Она отложила в сторону формочки, в которые собиралась залить эпоксидную смолу для украшений, и вышла на балкон. Вместе с Аней (через пару минут к ним присоединился и Денис), они исследовали перила. Если посветить фонариком вверх пола, то помимо жуткого количества пыли (да-да, давно пора прибраться) вы заметите и всевозможные мелкие предметы, которые уже отчаялись найти. Следы сфинкса на перилах были особенно хорошо заметны при таком освещении, и восторженные близнецы их сфотографировали.

– Вот тут они начинаются, – указал Денис. – То есть это кошка была? Да? И откуда она взялась?

Все запрокинули головы. Над нами только крыша. Ну то есть, чисто теоретически, кошка могла прийти и спрыгнуть оттуда. Из отдушины на скат, по скату на козырёк. Затем уже к нам.

– Нужно попасть на крышу, – заявил Денис. Легко сказать!

– У вас уже полгода дрон в шкафу пылится, – напомнила Вера. – А о крыше и думать не можете. Там ограждения – кошку не удержат! И полно разного хлама!

Ну не так чтобы полно. Раз в месяц кто-нибудь сопровождает старшего по подъезду осмотреть чердак и подвальные помещения. Помнится, было однажды приключение, когда на чердаке завелись шершни. Сумели выкурить непрошенных гостей, уж больно они опасны. Но главное, мы следили, чтобы на чердаке не заводились люди. Только бомжей нам не хватало!

Близнецы восторженно посмотрели друг на друга, и умчались в свои комнаты – дрон искать.

– Присмотришь, если что? – Вера взяла меня за руку. Я кивнул. – Но слушай, и правда, откуда она тут взялась? Смотри, вот тут сидела, похоже, потом ушла к соседям. А оттуда куда?

Я пожал плечами. Как-то не очень хотелось вновь пытаться рассказать, что же именно я видел.

Следующие три часа мы, всей семьёй, ждали, пока зарядится батарея дрона, и монтировали на него камеру. В конце концов удалось запустить этот полезный аппарат. Ветра не было, и через пять минут тренировок Денису удалось облететь всю крышу. Но увы. Неясно, откуда взялась кошка: все отверстия забраны решётками; все дверцы закрыты. Я не

поленился взять ключ у старшего по подъезду и пройтись, проверить. Всё чисто, грязи и мусора нет, все двери заперты. Лепота!

– Действительно загадка! – На Веру это произвело огромное впечатление. – Но откуда?? И Плюшка явно кого-то видела...

Плюшка, всё это время безмолвно наблюдавшая за действиями людей, сидя у окна перед балконом, повернула голову, и, услышав своё имя, мяукнула.

– Мам, она кивнула! – поразилась Аня. – Я точно видела!

– Плюшка, это правда? – спросила Вера. Кошка спрыгнула на пол и, держа хвост трубой, обошла людей, громко мурлыча. «Отстаньте от меня с вашими глупостями», – явственно говорил её взгляд.

– Не признается, – заключил Денис. – А соседский балкон можно заснять? Дроном?

– Без их разрешения – нет, – возразила Вера.

– А попросить их? Мама, давай я сама попрошу! – взгляд Ани стал умоляющим. И Вера сдалась. Позвонила соседям (мы с ними мало общаемся, но заходим иногда друг к другу в гости – например, с Новым Годом поздравить), и вручила трубку дочери.

Через минуту разрешение было получено. Ещё через пять мы смотрели записи дрона. Очень надеюсь, что никто не заметил, что я вздрогнул.

– Форточка открыта, – указал Денис. – Они никогда не

оставляют её открытой!

Снаружи в полутёмной комнате сквозь занавески ничего не видно. Но вроде бы нет следов беспорядка. И звуков подзрительных не записано, на камере есть направленный микрофон, очень чуткий.

Повторно позвонили соседям и получили устную благодарность за бдительность. Вряд ли кто-то полез бы в форточку, ведь на крышу так легко не попасть, да и видно будет всей улице, человек на крыше как на ладони.

Ладно. Близнецы остаток дня провели с дроном, то и дело устраивали «патрульные вылеты», и даже смогли ничего не потерять и не сломать. А я вернулся к своим основным обязанностям, с ними справился быстро, а затем принялся отсматривать ролик дрона, снятый у окон соседской квартиры.

Та самая кошка-сфинкс сидела по ту сторону окна. Дрон снимал её практически в упор, но (как я и подумал!), только я заметил «гостью». Кошка время от времени умывалась и, похоже, пару раз мяукнула. Вроде бы микрофон должен был записать звук, но не записал. И точно так же, как и на видео с телефона: кошка присутствовала не на каждом кадре.

Снова топот, и снова Плюшка возникает у меня на столе. Точно, она видит «незримого сфинкса»! Следит взглядом, иногда приоткрывает рот словно собираясь что-то сказать, но почти сразу же закрывает.

– То есть мы с тобой её видим, и больше никто, – заключил я. – Интересно, мы видим одно и то же?

Плюшка посмотрела мне в глаза... и, лизнув пару раз переднюю правую лапу, отошла и улеглась на свой коврик. Так, чтобы видеть экран.

В Сеть попало несколько роликов с той самой выставки. Я не поленился скачать их на компьютер. Наверное, неделя бы прошла, займись я покадровым просмотром, но на всякий случай сохранил. Дрон сделал несколько фотоснимков, засняли форточку и то, что видно в комнате, чтобы соседям отправить. И на одном из снимков был сфинкс!

Я быстро нашёл фото того самого сфинкса с выставки. Точно, окрас совпадает. Что происходит? Может, наплевать на всё, стереть, и сделать вид, что не было?

Фото с дрона высокого качества, но размер у них устрашающий. Я привык масштабировать картинки в привычный мне формат и размер, и попробовал то самое фото со сфинксом.

И чуть со стула не упал: только пока я оставлял качество и размер снимка нетронутым – ну то есть пока каждая точка фотографии оставалась на месте без искажений, я видел сфинкса. Стоило уменьшить размер или слегка ухудшить качество – и нет сфинкса.

Так. Жаль, что я так давно не брал в руки учебник физики – нет ни единой идеи, почему так происходит. Или какая наука тут может помочь?

Зато теперь появилась и другая идея, помимо встречи с хозяйкой сфинкса. Нужно добыть исходные фото с выставки.

И вот это сделать невероятно сложно и трудно, но я решил, что в любом случае попробую.

Хозяйку сфинкса я оставил «на закуску», голова уже гудела от разговоров с фотографами, и профессиональными, и теми, кто выкладывал свои фото с выставки в соцсетях.

– Да-да, я вас помню, – сказала мне женщина-заводчица. – Вы Загорский, верно? Да, конечно, приезжайте. У меня с часу дня до половины третьего перерыв. Записывайте адрес.

Отлично! Как раз есть повод побывать в городе: материал сдать, с Главным поговорить. Совместим приятное с полезным.

4. Не оглядываться

Вопреки традиции, понедельник начался без особых неожиданностей. Денис и Аня с самого утра обсуждали, где ещё они не заглянули дроном, и откуда ещё могла взяться та самая кошка, то есть кошачьи следы. Потом они вполне обыденно собрались и ушли в школу. Вера с утра продолжила работать над диссертацией; я же, закончив оставшиеся за выходные «хвосты», отправился в город сдавать материалы. Кошки тоже вели себя вполне обычно: Герцог, с присущей британцам надменностью, снисходительно взирал на творящуюся среди людей суету; а Плюшка всегда оказывалась в гуще событий, ей за всем нужно проследить.

Ничего сверхъестественного.

Ехать в город на машине – хуже не придумать: штаб-квартира издательства в центре города, и припарковаться там – отдельное приключение. По счастью, есть электрички. Накануне мне пообещали прислать исходные материалы с выставки как минимум трое фотографов. Тоже неплохо.

* * *

Без четверти двенадцать я освободился: всё сдал, получил новый фронт работ, удостоился даже похвалы Главного. Теперь надо где-нибудь перекусить, умственные труды отнимают уйму сил, и я как раз успею поговорить с хозяйкой сфинкса. Её офис неподалёку.

Тут произошло неожиданное. В детстве у меня было лёгкое сотрясение мозга без заметных последствий, но иногда при резких движениях на несколько секунд может возникнуть ощущение, что под черепную коробку плеснули горячей воды. Этим и заканчивается. Вот и сейчас «плеснули», в такие моменты мне нужно просто встать и постоять спокойно.

Однако произошло ещё кое-что, что напомнило давешний эпизод в «Матрице», когда окружающий виртуальный мир для протагониста начинает рисоваться зелёными значками. Окружающее стало на долю секунды таким же «матричным», а в уши словно воткнули по доброму куску ваты. Так в самолёте бывает, когда быстро набирают высоту. Я даже сглотнул – помогло, вата выпала, и зрение тоже вернулось в норму. Что это вдруг?

Так, я собирался пообедать. И даже подошёл уже к одному из проверенных временем заведений. Посмотрел на витрину...

...и чуть не выронил челюсть. У моих ног, отражаясь в витрине, сидел тот самый сфинкс. Я опустил взгляд – у ноги никто не сидит, никакой кошки. А в отражении есть! И та, которая в отражении, смотрит мне в глаза. Уже машинально, я достал телефон, вызвал функцию фотоаппарата...

– Вам это не мерещится, – сказала шедшая мимо меня незнакомая девушка в эффектном красном пальто. Она остановилась рядом со мной, глядя на витрину. Отражение кош-

ки теперь было между нами. – Нет, вы не знаете этого человека, и она не знает вас. О чём вы хотели поговорить?

– С кем я разговариваю? – сумел я произнести. Кошка – отражение кошки – подняло переднюю лапу и пару раз лизнуло её. А девушка тихонько рассмеялась.

– Сделайте ваш снимок, иначе не успокоитесь, – предложила она. Её отражение смотрело мне в глаза. Нет, я точно не видел её раньше, случайная прохожая, но почему ощущение, что я не впервые говорю с ней?

Я повиновался. Да, на снимке витрины и я, и девушка, и кошка.

– Это вас я видел на балконе?

– Вы уже знаете ответ. Вы видели *кари*, и видите её сейчас.

– Кари? – До меня дошло не сразу. – Кошку? Так вы их называете?

– Так они себя называют. Простите...

В кармане у девушки зазвонил телефон. Она ответила, сделала шаг назад и пошла, в том же направлении, в котором шла первоначально – продолжая говорить по телефону. Я передумал заходить в кафе и пошёл дальше. Сфинкс – отражение – семенило рядом с моим отражением. Я не смог удержаться, присел и осторожно опустил ладонь туда, где у отражения была бы голова.

Ладонь ощутила тепло! Я встал, по сути подпрыгнул.

– Не нужно так делать, – посоветовала проходящая мимо меня пожилая женщина. Что-то в её облике говорило, что

по профессии она учительница. – Это мешает мне сосредоточиться. Вы ведь уже убедились, что это не иллюзия. Так что вы хотели?

Я шёл у стены здания, женщина шла рядом, отражение кошки бежало рядом с нами. Там, в зеркальной глубине витрины.

– Понять, что происходит. Понять, кто вы такая. Кто вы такие, – поправился я.

Кошка вновь уселась (я остановился), пару раз лизнула лапу. А женщина рассмеялась и, остановившись, встала так, чтобы смотреть мне в лицо.

– Будет спокойнее, если вы просто обо всём забудете. Вы не сошли с ума, это не сон. Просто вы заметили то, что большинство людей никогда не замечают.

– Люди не видят, а кош... кари видят?

Женщина кивнула.

– Вы быстро всё схватываете. Я могу помочь вам всё забыть. И вам, и вашей семье будет спокойнее. Что скажете?

– Нет, – ответил я, не задумываясь. – Если моё мнение кого-то интересует, то – нет.

Женщина вздохнула и поправила очки.

– Мне нужно обследовать вас. Нет, просто стойте спокойно.

Накатило «матричное» видение окружающего. Потом снова в уши влетело по доброму килограмму ваты, я почти ничего не слышал, кроме своего дыхания и стука собствен-

ного сердца. Потом я осознал, что думаю по-английски. Английским я владею достаточно свободно, но почему вдруг?! Попытался сказать мысленно «это не сон», и отчётливо получилось «that's not a dream». Посмотрел на отражение кошки (оно смотрело на отражение стоящей напротив женщины), и вместо «это сфинкс» в голове прозвучало «it sphynx». Именно так, как если бы слово «сфинкс» оказалось глаголом. И всё равно это грамматически неверно!

Я снова попробовал мысленно сказать «это сфинкс», а получилось «it thinks» – «оно мыслит». Час от часу не легче.

– Да, кари все мыслят, если вы об этом. – Женщина поправила очки. – Я закончила обследование.

– И какой прогноз, доктор? – не удержался я. Больше всего хотелось расхохотаться. Но я сдержался.

– Вам лучше зайти и пообедать, – сказала женщина. – Как вы и собирались.

Сказала, и пошла в ту же сторону, в которую двигалась до нашего с ней разговора. Я посмотрел на витрину – кошки там не видно. И что всё это значит?

Удалось сохранить достаточную ясность рассудка, чтобы вернуться в кафе, войти и устроиться в уже привычном мне месте в дальнем углу зала у окна. Там очень уютно. Когда мы бываем тут всей семьёй, нравится всем.

Официантка принесла меню, приняла заказ и, к некоторому моему удивлению, поставила на стол напротив меня небольшое блюдце. Пустое. Я посмотрел в окно и вздрогнул.

Кошка-сфинкс – отражение – сидела прямо на столе, напротив меня. И отражение блюда вовсе не было пустым на вид, там была сметана, или что-то похожее. Кошка смерила меня взглядом, и, наклонившись, принялась за еду. Я даже глаза протёр. Не помогло: видел в отражении в окне всё то же самое.

Ладно. Мне уже не казалось, что я спятил: как-то подозрительно быстро привыкаю к этой зеркальной мистике. Несколько раз осторожно подносил ладонь туда, где сидела в отражении кошка. И ощущал тепло, как если бы там и в самом деле кто-то сидел.

Когда получил счёт, там была упомянута и сметана. Однако! Я оглянулся пожелать отражению приятного аппетита, но его и след простыл.

Я застал заводчицу, Маргариту Филатову, у неё в офисе. Вошёл туда ровно в одну минуту второго.

* * *

– Вы пунктуальны! – похвалила она. – Я читала ваш отчёт о выставке. У вас замечательное чувство языка.

Какой такой мой отчёт? Я едва не спросил, но прикусил язык. Потом выясним.

– Вы спрашивали про персидскую кошку, – Филатова открыла тетрадь-ежедневник. – Да, она тоже из Новосибирска. Редкая в наше время порода...

Фраза пришла на ум. Та, которая назойливо «лезла в уши» во время того «обследования». Сам не знаю, зачем я произ-

нёс её. Словно не по своей воле.

– It thinks, – сказал я вполголоса, и Филатову словно током ударило. Она вздрогнула и посмотрела мне в глаза. А затем оглянулась, поблизости от её стола на стене было закреплено высокое, в рост человека, зеркало.

Я непроизвольно поднялся на ноги. Та самая кошка-сфинкс сидела по ту сторону зеркала и смотрела мне в глаза. А затем повернула голову и посмотрела в глаза Филатовой.

– Что вы видите? – спросила она тихонько.

Я пояснил. Филатова кивнула, поднялась из-за стола, дошла до входной двери и заперла её. Сфинкс так и следил за нами из «зазеркалья». А затем...

Затем откуда-то из-под стола выпрыгнула ещё одна такая же кошка. «Оригинал»? Или как это назвать? Кошка в два прыжка оказалась у зеркала и, протянув лапу, прикоснулась к мордочке отражения. Отражение отодвинулось и помотало головой.

– И давно вы их видите? – спросила Филатова, стоя рядом со мной, и глядя на обеих кошек.

– С выставки, – признался я. – Простите за вопрос... вы слышите, как они говорят?

– Нет, – покачала головой Филатова. – Только вижу. И...

Что-то случилось, как если бы отражению что-то почудилось. Оно стремительно развернулось и убежало прочь. И почти сразу же у кошки возникло обычное, настоящее отра-

жение. Баст встретила с ним взглядом и низко, хрипло мяукнула.

Филатова подошла к зеркалу и сбросила поверх него шторку из плотной, тёмной ткани.

– В этой комнате в ближайшие полчаса лучше не оставаться, – пояснила она. Я кивнул. – Баст! Ну-ка в домик!

«Домиком» оказалась кошачья переноска. Кошка беспрекословно вошла внутрь, и царственно улеглась.

– Я должна отвезти её домой, – пояснила Филатова. – Нам с вами нужно поговорить, но не здесь и не сейчас. Вы в городе часто бываете?

– Когда необходимо.

– У вас ведь есть кошки?

– Два дворянина британских кровей. Кот и кошка.

Филатова улыбнулась и кивнула.

– Вы их часто водите на осмотр?

– Раз в год. В этом июле возили.

– Привезите их в мою клинику. Осмотрим, заодно и поговорим. Они хорошо переносят дорогу?

Я пожал плечами. Кошкам не нравятся поездки к ветеринару, но скандалов не устраивают. Переносят заключение в переноске стойчески. Даже не мяукают.

– Далеко мы их не возили, но пока что всё обходилось.

Филатова кивнула, и протянула визитку.

– Здесь адрес. Вы рассказывали об этом кому-нибудь ещё?

– Нет, – ответил я коротко, пряча карточку в карман. Фи-

латова подозрительно спокойна, и это настораживает.

– Не рассказывайте. И ещё. У вас за последние несколько дней было ощущение, что непереносимо хочется оглянуться? Без всякой видимой причины?

– Не было.

– Если вдруг будет – не оглядывайтесь. Это важно. Когда выберете дату, позвоните – я зарезервирую вам время.

Я вышел из её офиса и смотрел, как Филатова ставит переноску с кошкой на заднее сиденье автомобиля, и сама садится рядом. Автомобиль тронулся мягко, стёкла задних дверей сильно тонированы, ничего сквозь них не видно.

Итак, теперь уже два психа. Нет, но насколько спокойно мы с ней говорили! Словно всё произошедшее – самое естественное, что могло случиться.

Надо было взять с собой камеру – ту, которая на дроне. В следующий раз обязательно возьму.

Остаток дня прошёл в высшей степени обыденно, вечером мне уже начало казаться, что не было никаких зазеркальных кошек. А фотографии я просмотрю завтра.

5. Зазеркалье

Вечером мы все вместе построили и обсудили несколько увлекательных теорий: откуда могла взяться и куда делась таинственная кошка. Прибыли из своей «дачной поездки» соседи, ещё раз поблагодарили за бдительность, сказали, что кто-то сдвинул штору, и только. У них всё современно: балконная и входная двери под пристальным взглядом видеокамер. Даже если незваный гость первым делом бросится к камере и отключит её, та успеет передать картинку куда положено. Охрана прибудет быстро, уже устраивали «учения».

– Не то чтобы у нас несметные сокровища, – сказал сосед, – но лучше так. Да и полиция говорит, что один только вид работающей камеры, смотрящей тебе в лицо, заставит одуматься большинство преступников.

Так вот, на камерах ничего и никого не было, кроме смутной тени нашего дрона за балконом. И на том спасибо.

Я пролистал фото, и на многих уже успел заметить детали сцены – кошек, которые исчезали, стоило мне чуть-чуть ухудшить качество. Даже пришла в голову идея устройства, наподобие стереоскопа: одним глазом видеть исходную картинку, другим – чуть-чуть исправленную. И все «невидимки» сразу же объявятся.

Я обработал чуть меньше сотни картинок, хотя надо и основной своей работой заниматься, и понял, что привычная

картина мира постепенно замещается. Или я, то есть мы с Филатовой, если она видела то же самое, одинаковым образом свихнулись, «или одно из двух», как говорил персонаж из мультика «Следствие ведут Колобки». Материальные следы есть: следы той кошки на перилах. Это все заметили, и это – факт. А вот всё прочее...

Я откинулся на спинку кресла. Теперь ещё это приглашение в клинику. Ладно, попробуем напрямик, без легенд. Последнее, что мне хотелось – это говорить заведомую неправду.

– Филатова? – Вера не удивилась. – А, это по поводу твоего отчёта о выставке, да? Я читала про неё. Говорят, хорошая клиника, врачи хорошие. Это она предложила к ней привезти?

Я кивнул. Молча. Хотя хотелось поинтересоваться, что это за неведомый «отчёт», о котором сам я ничего не знаю?

– Давай свозим, – согласилась Вера. – Хуже не будет. Так... – она открыла свой «ежедневник» – электронный календарь. – Вот, в пятницу можно. Утром. Можем сразу обоих взять, у нас ведь две переноски. Так пойдёт?

– Сейчас узнаем. – Я позвонил Филатовой и уже через пару минут она подтвердила и дату, и время – удачный интервал, дороги ещё не сильно забиты, успеем до главных пробок. – В десять тридцать утра. Если в девять выедем, аккуратно успеем.

Вера встала за моим стулом и обняла за плечи.

– Костя, – она погладила меня по голове. – Ты уже второй день смотришь на эти фотографии, с выставки. На ролик тот, с балкона, долго смотрел. Что-то не так?

И что я должен сказать?

– Иногда кажется, что на снимках есть то, чего не заметил. Плюшка ведь видела кого-то, верно?

Вера села на стул рядом с моим и кивнула, держа меня за руку.

– Вот, смотри. – Я решился, и показал два снимка. – Вот соседский подоконник. И ещё один снимок. Разница по времени в две минуты. Ничего не замечаешь?

Вера недолго всматривалась.

– Шторы по-разному расположены. – Она указала на снимок, на котором я видел сидящего сфинкса. – Вот тут штора отошла от подоконника... как будто что-то её отодвинуло. А здесь, – указала на другой снимок, – касается подоконника. Ты об этом говоришь?

Я кивнул. И вздохнул, с облегчением. То есть не я один вижу странности в окружающем мире.

– Необычно, – кивнула Вера. – Даже не знаю, что сказать. Костя, сделай перерыв. Я не знаю, что ты хочешь найти... но пусть голова отдохнёт.

А вот это хорошая идея. И я направился следом за ней на кухню, помогать, по мере сил, готовить пирог. Это одна из наших традиций: пироги готовим все вместе.

Плюшка недовольно мяукнула: «Куда, спрашивается, по-

шли, если кошка здесь, и требует внимания?», но потом спрыгнула и побежала следом. Один только Герцог проводил нас взглядом, зевнул и блаженно растянулся на своём плече.

* * *

Ближе к вечеру два слова «it thinks» вновь начали лезть в голову. Я с кошкой в нашем с Верой кабинете; Плюшка дремлет на коврикe; Герцог вальяжно развалился на диване в гостиной. Дети что-то увлечённо обсуждают у себя в комнате, Вера читает книгу и пьёт чай на кухне. Обычный такой, мирный вечер.

Я поставил фотоаппарат заряжаться, батареи успели порядком сесть, и поднялся из-за стола. Надо глазам отдыхать.

Фраза назойливо вращалась в голове. Наваждение какое-то. И говорить не хочется: должна же быть сила воли! Я заметил, походив по кабинету, что назойливость фразы тем выше, чем я ближе к шкафу. Там у нас, как говорит Вера, «мусом ный амбар» – вещи, которые отчего-то не поднимаются рука выбросить, но и пользоваться ими не получается. Под Новый год мы устраиваем в «амбаре» очередную ревизию, и половина хлама отправляется в мусорный ящик.

Я открыл «амбар» и первым делом увидел висящее на внутренней стороне дверцы зеркало. Старое-престарое, нашли его у родителей Веры, на чердаке их дома. Верина мама рассказывала, что оно досталось им от очень суеверной родственницы, которая была очень рада, что отдала зеркало,

маме даже показалось, что дарительница немного побаивалась своего подарка. Обычное такое зеркало, в портретной рамке, в верхней его части зеркальный слой уже истёртый, с чёрными кляксами. А в целом – отличная добыча для старьевщика.

Мысль пришла в голову неожиданно. Я поставил зеркало на пол, прислонив к стене между шкафом и диваном. Присел перед ним, помахал рукой отражению. Фраза назойливо вертелась в голове, сводила с ума.

– «It thinks», – сказал я вполголоса. И сразу же отпустило.

Я не сразу осознал, что по ту сторону зеркала сидит... Плюшка. Сидит и смотрит на меня, внимательно так; всегда так делает, когда хочет, чтобы с ней поиграли.

Я медленно поднялся на ноги, и оглянулся. Плюшка действительно сидит, но на коврике, на столе. Встретив мой ошалевший взгляд, кошка прыгнула и подбежала ко мне. И тоже подошла к зеркалу и, медленно протянув лапу, прикоснулась к мордочке своего отражения. Отражение отпрянуло, и, пройдя налево – для нас направо – явно заглянуло за «своё» зеркало там, у себя. Плюшка немедленно сделала то же самое. Некоторое время кошки, настоящая и зазеркальная, носились, видимо, понять пытались, куда делась та, вторая. Затем замерли, почти друг напротив дружки. Изредка поворачивали голову и встречались со мной взглядом.

– Вера?! – я опомнился. Надо хоть кого-то позвать, чтобы увидели. Не слышит. Я не хотел далеко отходить, протянул

руку, и стараясь не отводить взгляда от зеркала, взял фотоаппарат. Освещено хорошо, вспышки не потребуется.

Получилось! Обе кошки в кадре в разных позах.

«Зазеркальная» Плюшка встrepенулась, оглянулась и мякнула, глядя мне в лицо – звука я не услышал, и на том спасибо. Затем сорвалась с места, пулей метнулась куда-то в дальний угол комнаты, в зеркале её уже не увидеть. «Наша» Плюшка посмотрела мне в лицо, и тихонечко мякнула.

По ту сторону зеркала стало темнее. Словно освещение – люстра – постепенно гасло. Я опомнился, сбегал к столу, закрепил прищепкой камеру с дрона на кармане рубашки, включил запись и вернулся к зеркалу. Плюшка вновь мякнула, уже встревоженно, и оглянулась.

– Вера! – позвал я. И кричать громче не хотелось, сам не знал, почему. – Вера, подойди, пожалуйста!

– У-у-ум-м-м-р-р-р-мммм... Ф-фффффф!

Я чуть до потолка не допрыгнул. В предыдущий раз Плюшка ругалась и угрожала таким образом в тот, первый день, когда её привезли из приюта, и сразу же отнесли в ванную – вымыть. Чудом только не порвала всех в клочья. Сейчас она стояла, вздыбившись, прижав уши и распушив хвост перед зеркалом, ворчала и шипела на что-то по ту сторону.

В зеркале уже всё было черным-черно. И начало казаться, что тень просачивается из-за зеркала и начинает растекаться по полу уже с нашей стороны.

Плюшка ещё раз рывкнула и фыркнула; я заметил, что

ть, ложившаяся на пол у зеркала, словно бы втянулась назад, в зазеркалье.

Топот – в кабинет ворвался Герцог. Куда только делась его надменность! Он подбежал к зеркалу и, вздыбившись рядом с Плюшкой, завёл ту же «песню».

Мне почудилось движение в черноте там, за зеркалом. Не знаю, почему я это сделал – включил на фотоаппарате вспышку и, едва та мигнула зелёным, что заряжена, сделал снимок, почти в упор.

Я заметил, что вспышка словно стёрла черноту там, за зеркалом; ослепительно-белая волна разогнала тьму, высветила интерьер «зазеркальной» комнаты, и мне почудился человекообразный силуэт, отшатнувшийся и съёжившийся.

Герцог и Плюшка отскочили от зеркала, продолжая шипеть и рычать, они чуть покачивали задней частью туловища – готовятся прыгнуть! Я заметил, что трещины и кляксы на зеркальной поверхности наливаются белым свечением...

Первое, что попало под руку – диванная подушка. Я бросил её так, чтобы закрыть ей зеркало. Послышался громкий хруст...

Подушка словно взорвалась изнутри, подпрыгнула на месте и осела бесформенной грудой.

Почти сразу же в комнату вбежала Вера, а следом – близнецы. У всех – глаза в пятак размером. Герцог и Плюшка перестали шипеть, но всё ещё горбились и держали хвосты распушенными.

– Костя. – Вера первой обрела дар речи. – Что тут творится?!

Так. Вспышка. Свет. Тень, отпрянувшая от зеркала. И фраза «в этой комнате лучше не оставаться» пришли в голову одновременно.

– Я расскажу. Денис, принеси из прихожей фонарь, пожалуйста. Да, с которым в погреб ходим. И варежки захвати. Вера, нужна тёмная, плотная ткань. Аня, уведи кошек и успокой, ладно? Пожалуйста, сейчас никаких вопросов, всё потом!

Надо отдать должное, все почти сразу же пришли в себя и отправились выполнять указания. Денис прибежал, держа в руке фонарь. Я включил его – яркость такая, что на расстоянии километра виден его «зайчик». Навёл конус света на зеркало и осторожно отодвинул останки подушки.

Зеркало треснуло, три крупных трещины прибежали со сторон и встретились в центре. Вроде нет осколков, и на том спасибо.

– Освещай его, – попросил я Веру. Зеркало вело себя, как обычно – отражало то, что положено. Надев варежки, я поднял зеркало и обернул его в ткань. – Нужно вынести его из дома. Проверь, пожалуйста, нет ли осколков.

* * *

Минут через десять, когда убедились, что ни на полу, ни в ставшей лохмотьями подушке нет стекла, я осознал, что камера так и продолжает съёмку. Выключил и сел за компью-

тер скопировать записи с камеры и снимок с фотоаппарата.

На этот раз все увидели обеих кошек: и нашу Плюшку, и зазеркальную.

– Обалдеть! – восторженно прошептал Денис. – Класс! А что с зеркалом случилось?

Ролик мы смотрели с закрытой дверью. Аня приманила кошек на кухню, и те успокаивались, поедая пакетик кошачьих деликатесов. А дверь закрыли, потому что рёв и шипение на ролике в две кошачьих глотки.

– Выключи, – попросила Вера, после того, как я проиграл ролик дважды. На нём отчётливо было видно, как расплзается по полу тьма; как отступает, когда кошки заводят очередную «песню», и очень чётко был виден чёрный силуэт по ту сторону зеркала. Перед тем, как я бросил перед ним подушку.

– Подушку словно когтями подрали. – Вера осторожно перевернула то, что осталось от подушки. – Костя, ты что-то недоговариваешь. Что происходит?

Я закрыл глаза. Досчитал до десяти и открыл.

– Давай дождёмся Филатову в пятницу. Расскажу, при ней.

– Па-а-апа! – возмущённо протянула Аня. – Ну мы же все видели! Мы тоже хотим знать!

– Аня, минутку. – Вера взяла дочь за руку. – Я, кажется, понимаю. Что-то случилось на выставке, да?

Я кивнул.

– Что именно?

Чёрт с ним! Надо попробовать рассказать. Я встал из-за стола, и начал было рассказывать... и вдруг понял, что сижу на диване, рядом со мной побледневшая Вера, держит за руку, а дети стоят рядом, и Аня сжимает в руке телефонную трубку. Я заметил, какой номер она набрала.

– Не нужно «Скорую», – попросил я. – Долго я так сидел?

– Минуты три. – Вера потрогала мой лоб. – С тобой точно всё хорошо?

– Вполне, – ответил я, осознав, что вроде бы всё в порядке, и тело слушается. – Если вы не против, я пока не буду пытаться рассказывать.

* * *

– В общем, так. – Вера посмотрела на часы. Ого, уже за полночь. – Никому не рассказываем об этом. Ни единой живой душе! Дети, вы поняли?

– Конечно, – ответил с важным видом Денис, и Аня кивнула следом за ним.

– В пятницу мы отвезём кошек в клинику, там поговорим, вместе с папой, с Филатовой и вам потом всё расскажем. Договорились?

– Договорились! – хором ответили дети. Переглянулись и рассмеялись. Мы присоединились; только сейчас отпустило напряжение. Слишком много небывальщины.

– До сих пор поверить не могу, – призналась Вера минут через десять, переоблачаясь ко сну. – Вот сама же видела, и

слышала, а не могу! Что это было?

– Самому интересно. – Слегка покривил душой. Вот в этот самый момент, чего уж скрывать, я и сам был бы рад забыть кое-что.

Что характерно, те самые два английских слова уже не вертелись на языке. И на том спасибо. Уснуть удалось не сразу, и снилась разная муть – в общем, я не выспался.

6. Мадам де Помпадур

На следующий день за завтраком никто не говорил о вчерашнем, но все (кроме меня) оказались бодры и веселы. Включая кошек: Герцог, вопреки привычке, пришёл на кухню, пока там все завтракали, и «проследил» – устроился в величественной позе сфинкса на полу, время от времени ода-ривая нас взглядом.

– Прекрасно выглядите, Ваша светлость! – приветствовала его Вера, убирая со стола. Герцог встретился с ней взглядом и зевнул. «Сам знаю», – явственно читалось во взгляде.

– Зеркало не забрали, – заметил Денис, посмотрев в окно. Мусорные баки, главное «украшение» нашего двора, из окна как на ладони. Вчера я отнёс завёрнутое в ткань зеркало в секцию для крупногабаритного мусора. Мало-мальски годные вещи обычно уносят минут за пять, даже вечером, иногда до подъезда дойти не успеешь, а вещь уже прибрали. А в зеркале как минимум рама дорогого стоит – ан нет, так и стоит, обёрнутое в чёрную ткань.

– Может, ещё заберут, – сказала Вера. – Всё-всё, вам уже собираться.

– Мама, у нас сегодня со второго урока! – возразила Аня. – Мы же вчера ещё говорили!

– Всё ясно. – Вера обняла дочь и отпустила. – Тогда не отвлекаю. Ваша светлость, нужно мусор вынести, а вы на до-

роге!

Герцог ещё раз зевнул, уселся. Посидел так пару секунд и направился к себе в гостиную, на диван – распорядок превыше всего! Широкоплечий и мордастый, походкой он больше всего походит на тигра. Он скуп на лишние движения – кроме тех моментов, когда они с Плюшкой играют в догонялки (и считают, что никто не видит), либо когда забавляется с бумажным бантиком.

– Всё понимает, – отметила Аня вполголоса. – Вот я всегда говорю, а в школе никто не верит!

– Да и пусть, – утешил её Денис. – Мы-то знаем! Мам, может, зеркало в обычный бак переставить?

– Не надо, – покачала головой Вера. – Пусть уж стоит. Завернуто хорошо, даже если стекло высыплется – не выпадет.

Так и решили.

* * *

– Что не так со снимком? – спросила Вера минут через десять, когда у неё возникла очередная творческая пауза в работе над диссертацией. – Ты на него почти полчаса смотришь. Кстати, фотоаппарат зарядился.

– Теперь фонарь надо зарядить. – Я прогулялся до прихожей, взял тот самый фонарь. С детства я собирал разные осветительные предметы, и жальче всего было пропавшего во время одного из переездов фонаря со стеклянными стенками и свечой внутри. По словам моей бабушки, это была настоящая древность ещё девятнадцатого века.

А современные фонари... ну не мог я сдержать совершенно детского восторга, когда заморское чудо техники достало ярким, как Солнце, зайчиком до стены строящегося дома в полутора километрах от нас. И зайчик тот прекрасно было видно! С того и начался новый этап увлечения. Вера даже подшучивает, что вскоре нужно будет переехать в квартиру просторнее, и выделить там отдельную комнату – фонарную.

– Так что со снимком? – Мы оба смотрели на фото, где зазеркальная Плюшка смотрит на меня, а наша – на зазеркальную. Любой скажет, что фотомонтаж, или компьютерная графика – причём качественная, не видно огрехов. Только вот мы не скажем.

– Я стою вот тут, – указал я курсором. – Где-то вот тут, по нашу сторону. – Курсор туда не достал, картинки там нет, но идея понятна. – Вопрос: где моё отражение?

– Точно, – прошептала Вера, и посмотрела на снимок под максимальным увеличением – ну то есть наоборот, без уменьшения размера. Подвигала его по экрану, чтобы все части увидеть. – Тебя там нет. А Плюшка есть! Почему?

Я в который уже раз пожал плечами.

– Это я вслух думаю, – кивнула Вера. – То есть та невидимая кошка, потом эти ужасы с зеркалом, и тебе что-то мешает рассказать, что случилось на выставке. А Филатова? У неё тоже какие-то странности?

Я кивнул.

– Понятно, тоже не хочется рассказывать, – взяла меня за

руку Вера. – Я бы и сама сто раз подумала, кому такое рассказать. Но почему именно Плюшка? И что, любое зеркало вот так может? Ты же помнишь, сам намекал, как это началось?

– Хочешь ещё раз попробовать? – Я посмотрел в её глаза. Вера улыбнулась.

– Нет. Только не у нас дома. Прекрасно жили без ужасов, и ещё поживём. Скопируй мне исходную картинку, ладно? И ролики тоже.

– Да, надо сохранить копии, – согласился я. В мире есть два типа людей: одни ещё не теряли ценные данные, а другие научились делать их резервные копии. Мы относимся ко вторым.

Итого на выставке, на разных снимках, есть три «невидимых» кошки, не считая сфинкса. И все они замечены поблизости от той самой кошки-персиянки, с тремя котятами (их всех успели разобрать на выставке, невзирая на сильно пятнадцатую цену за котёнка). Зовут кошку ни много ни мало мадам де Помпадур, полное имя как у её знаменитой исторической тёзки, Жанны-Антуанетты. И ещё некая «Её светлость» – уж не с ней ли я говорил там, в городе, у витрины?

Голова кругом идёт. Так-так... что там на шее у несравненной мадам де Помпадур? А ведь там что-то драгоценное на вид! Я взгляделся в свои и присланные фотографами снимки: мадам за свою жизнь собрала столько наград – представить трудно. И котята у неё сплошь выдающиеся. Такая мо-

жет позволить себе драгоценное ожерелье. Да, именно ожерелье.

– Вера, – указал я на снимки. – Опиши мне, пожалуйста, как выглядит эта кошка. Которая персиянка.

– Мадам де Помпадур? – улыбнулась Вера. И подробно описала всё, заодно и свои фото показала. И на них тоже есть ожерелье! И Вера его, похоже, не видит, как не упомянули и журналисты!

Ну-ка, проверим. Тем же способом. Получилось! Стоило слегка ухудшить качество, и ожерелье словно исчезало. Очень интересно. Значит, быть невидимками могут не только живые существа. Я вписал эту мысль в свой рабочий блокнот (туда, по счастью, никто случайно не заглянет), и чисто для разнообразия занялся своими прямыми обязанностями. Мне выдали рукопись, впереди не только встреча с её автором (а он, по словам Главного, человек не очень приятный), но и частые поездки в город. Что ж, постараюсь продолжить и своё собственное расследование.

Час пролетел в трудах праведных.

– Мне кажется, что ты на некоторых снимках видишь что-то, чего я не вижу. – Вера выключила дисплей своего компьютера. – Я права? Но почему-то не можешь, или не хочешь рассказать.

– Верно. – Прямо камень с плеч. Легче особо не стало, но стало проще.

– И началось всё с выставки... – задумчиво сказала Вера.

Плюшка встала с коврика, потянулась, сделала пару шагов к Вере и улеглась поверх её руки. И громко замурлыкала, с чувством: «Всё, человек, гладь кошку, займись своими прямыми обязанностями». – Вот хитрая! И как я теперь работать буду?

Плюшка подняла голову, посмотрела в глаза Веры, зевнула, и снова улеглась. Понятно без слов. Никак.

– Что ж, я хочу понять. – Вера посмотрела мне в глаза. – Тогда рассказывай то, что можно.

– Филатова сказала мне... – Я ожидал «щелчка» и выпадения памяти, а то и чего похуже, но их не последовало. – «Не оглядывайтесь». Если в какой-то момент будет непереносимое желание оглянуться, то ни в коем случае этого делать нельзя. Сказала, что это важно.

– Интересно. – Вера посмотрела на довольную Плюшку, растянувшуюся у неё на руках. – Не сваришь мне кофе? Я тут слегка занята...

* * *

А вечером мы внезапно решили почистить «мусомный амбар». Любая уборка помогает развеяться.

Сказано – сделано. Не ожидал, что за прошедший год мы собрали в «амбаре» столько хлама! Получилось два солидных размера мешка. Как раз вынести туда же, к крупногабаритному мусору. Заодно и весь прочий мусор вынесу. Последние относительно тёплые деньки, вот-вот выпадет первый снег, и наступит сезон «грязь замёрзла».

Я посмотрел из окна кухни, и увидел у свёртка с зеркалом невысокий чёрный силуэт, кто-то всё-таки решил его забрать. Ну наконец-то, а то я начинал думать, что и зеркала никто кроме нас не видит.

Сам не знаю, зачем взял с собой фонарь для погреба. У меня в сумке лежит минимум два фонаря, один из них такой же мощный. Привычка. Нравится носить с собой «Солнце в кармане». Тем более, что их свет приближен к солнечному по спектру.

Странно... зеркало так и стоит, где стояло, а ткань на нём выглядит ветхой. Как такое возможно? Кто поменял? Вчера, отчётливо помню, завернули его в чёрный прочный ситец. А сейчас такое ощущение, что ткань прогнила и обветшала. Я выложил два мешка добра – берите кто хотите; сходил выбросить кухонный мусор, и вернулся к зеркалу. Так и стоит, действительно, и ткань уже расползается. С чего бы?

Ощущение пришло внезапно. Захотелось оглянуться, сам не знаю почему. Так бывает, когда кто-то сверлит затылок недобрым взглядом. И ещё стало необычно тихо. Я точно почувствовал, как чей-то взгляд царапает мой затылок, и мне очень хочется оглянуться. Нестерпимо, непереносимо.

Фонарь я так и держал в руке. Кто-то за моей спиной, кто это может быть? «Не оглядываться. Нельзя оглядываться. А что можно? Бежать со всех ног, спасаться?»

Стоило сжать рукоять фонаря, как малодушие схлынуло. Я почти что начал бояться, и пальцы сами, как бы случайно,

повернули рычажок на рукоятке в нужное положение, а затем я рывком поднял фонарь, направил его за спину и включил.

Стробоскоп – страшный режим. Довелось применить его против стайки бродячих собак, как-то недобро они однажды стали подбираться ко мне. Но после такого вот освещения с визгом разбежались кто куда. А сейчас мне показалось, что за спиной что-то взорвалось. И почудился не то вопль, не то что-то похожее, и сразу же прошло назойливое желание оглянуться.

Стараясь смотреть под ноги, я резко повернулся, приготовившись использовать фонарь как дубинку. И увидел, как что-то тёмное метнулось вправо и в сторону, за мусорный бак. Не выключая фонаря, я шагнул и повернулся, чтобы увидеть, кто это там.

Видел я недолго, но на сей раз чуть не испугался. Нечто чёрное, небольшое – по силуэту вроде бы человек, но неестественно длинные руки и ноги. Оно скорчилось в углу, явно защищая лицо от вспышек. Я переключил фонарь на обычное освещение – не то ребёнок, не то карлик. Закутан с ног до головы в чёрный балахон.

– Что вам...

Словно дым пошёл от карлика в балахоне – я сделал шаг вперёд, не выпуская незнакомца из конуса света, и тут чужак... растаял. Растёкся чёрным дымом. Я протёр глаза свободной рукой. Нет, никого нет, серый бетон да металличе-

ские стены. И всё.

– Проклятие... – прошептал я, ощущая, как бешено стучит сердце. – Да что же это?!

И словно слух включили. Я услышал, что кто-то бежит в мою сторону. Это Денис!

– Папа? – он включил свой фонарь и оглянулся. Никого. – Мы заметили вспышки. Что случилось?

Я тщательно обошёл площадку, где стоят мусорные баки, всюду осветил. Никого и ничего, кроме валяющегося кое-где мусора. Денис сопровождал меня, тоже светил повсюду и вглядывался.

– Папа, ты кого-то ищешь?

– Уже нет. – Я вернулся туда, где стояло зеркало. – Дома расскажу. Странно всё это. Смотри, ткань еле...

Я осветил зеркало, и, как по команде, таинственным образом обветшавший ситец свалился с зеркала серой грудой. Мы с Денисом невольно отступили. Но зеркало, пусть и треснувшее, вело себя, как и положено зеркалу – отражало свет, и ничего в нём не мерещилось, не было «зазеркальных кошек». Или кого похуже. Я подошёл поближе, и мне показалось... да нет, не показалось! Точно!

– Денис, смотри!

Он тоже приблизился. Теперь мы видели это оба: там, куда попадал конус света, трещины затягивались! Мы не могли оторваться от этого зрелища. Денис не сразу опомнился, достал свой телефон и включил на нём видеокамеру. Тре-

щины зарастали быстро, прошло полминуты и зеркало вновь целое. А потом начали затягиваться дыры и царапины в зеркальном слое там, где виднелись чёрные пятна и полосы. Ещё пара минут – и зеркало как новое. И ведёт себя, как положено добропорядочному зеркалу. Мы посмотрели на свои ошарашенные физиономии в зеркале и переглянулись.

– Пап, – спросил Денис, осторожно прикасаясь пальцем к стеклу. Ничего не случилось. – Оно тёплое! Как странно! Пап, и куда его теперь? Оставим здесь?

– Нет, – не скажу, что я был таким уж бесстрашным. Боязно было вновь приносить его домой. Но бросить тут значило покончить с тайной, уйти прочь и забыть. Не мог я так. – Заберём домой. А ты что думаешь?

– Да, заберём его домой! Иначе никто же не поверит!

* * *

Вера и Аня ахнули, увидев, что зеркало стало как новенькое. Не без опаски прикоснулись. Обычное, прохладное на ощупь, как и ожидается.

– Даже не знаю, – призналась Вера. – Ну не могло оно починиться, вы и сами знаете! Но ведь и вчера всего того, что мы видели, быть не могло. Говоришь, кто-то копошился у зеркала, а потом исчез?

Я не стал подробно рассказывать про испарившуюся фигуру в балахоне. Не смог.

– Да, стоял у меня за спиной. Стробоскоп отпугнул его. А потом мы увидели, как зеркало само починилось.

– Всё равно не могу поверить, – сказала Вера, после десятого примерно просмотра того ролика, который заснял Денис. – Ну не может такого быть!

– Мам, ты хочешь, чтобы мы его выкинули? – робко осведомилась Аня.

– Я уже сама не знаю, – призналась Вера. – Давайте завтра решим – а сейчас завернём во что-нибудь прочное и негорючее, и выставим на балкон. Я с ним в одной комнате не останусь. Плюшка, нет! Плюшка, брысь!

Плюшка, и не думая уходить, подошла ближе к зеркалу и заглянула в него. Посмотрела в глаза отражению, а затем развернулась и молча ушла, подёргивая хвостом.

Вера вздохнула.

– Ладно. Всё, давайте уберём его.

– ...Костя, – потормошила она меня, когда мы оба уже почти заснули. – Там ведь ещё что-то случилось? Да?

– Ты хочешь услышать это именно сейчас?

– Раз так спрашиваешь... нет, не сейчас. Всё, обними меня, мне страшно!

7. Знак качества

На следующее утро мы нарочито беззаботно обсуждали всё, что угодно, кроме зеркала и прочей небывальщины последних дней. У детей сегодня всего четыре урока, и я не сомневаюсь, что они первым делом поинтересуются, что мы будем с зеркалом делать?

День выдался на удивление тёплый, солнечный и безветренный. И небо вон какое чистое, уже завтра обещано ненастье и снег, а сегодня как будто вернули затерявшийся в пути летний день.

– Так, посмотрим на пациента, – кивнул я в сторону балкона, когда закончил обязательную дневную порцию работы. С утра работалось особенно бодро: у меня привычка вставать раньше всех, и первые два утренних часа для меня самые продуктивные.

– Костя, может, не надо? – спросила Вера почти что робко. – Может, всё-таки избавимся от него?

– Давай рассуждать логически. – Я положил на стол с утра приготовленный набор инструментов, мне хотелось аккуратно снять с зеркала раму и посмотреть, что там к чему. Вера кивнула и присела на свой стул, рядом. – Это зеркало висело ещё у твоей бабушки. Ничего сверхъестественного за ним не наблюдали. Берегли, чистили. Потом у маминой тётки лет десять провело, а потом – у твоей мамы. Когда зеркальный

слой стал портиться, они отправили зеркало в дачный дом, а там – на чердак. И у нас оно лет пятнадцать, наверное, да? И никогда ничего не случилось.

– До позавчерашнего дня. – Вера взяла меня за руку. – Слушай, мне правда страшно! Вспомни, что случилось с подушкой! А если с кем-то из нас что-то такое случится?

– Пока оно вело себя как обычное зеркало – ничего не случилось. А вчера, когда мы его снова осветили фонарём, оно починилось. Ты ведь сама видела.

– Тебя не переубедить, – вздохнула Вера. – Да, я тоже думаю, что нельзя просто так выбрасывать такой странный предмет. Мало ли кто подберёт и что случится! Но скажи хотя бы, что на самом деле случилось, отчего всё это позавчера началось?

Была не была. Я сказал про «заклинание».

– Ты так шутишь?! – Вера смотрела на два написанных слова. – Ну то есть если кто угодно скажет их... или не кто угодно?

Я рассказал ещё немного. Ни слова про «обследование», которое мне устроил непонятно кто, но пояснил, что хотел мысленно сказать «это сфинкс», а получилось вот это.

– Я хочу просто осмотреть его, – добавил я. – Снять раму, заглянуть внутрь. Хоть какие-то намёки, что в нём такого необычного!

– А если начнёт твориться необычное?

– Хорошо, что ты тогда предлагаешь?

Видно было, как любопытство и осторожность борются в её глазах.

– Не знаю, – призналась Вера. – Но тогда давай вместе. Если уж всё делать, то по науке, всё фиксировать. И если хоть что-то пойдёт не так – сразу же прекратим.

Мысль пришла в голову неожиданно.

– Если опасаясь, что оттуда что-нибудь опасное появится, или что-то ещё – давай закажем стальной шкаф. Сейф. И будем хранить его там, на всякий случай.

– Согласна! Тогда начнём с сейфа!

Я вздохнул. Логично. Безопасность превыше всего. Сняли мерку с «пациента» – для этого его не нужно распаковывать. Уже буквально через полчаса заказ в Интернет-магазине пошёл в обработку, а мы с Верой вернулись на балкон.

И, разумеется, туда же пришли и кошки – помогать. Известно, что за людьми нужен глаз да глаз.

Солнце уже зависало над нашим козырьком, но внутрь балкона ещё не заглядывало. Я поставил зеркало так, чтобы оно смотрело наружу, постелил перед ним плед в два слоя, мало ли – и в зеркале отразилось то, что и должно: синее небо, ветви деревьев поодаль, пролетающие птицы, да крыша дома напротив.

И Герцог, и Плюшка заглянули в зеркало, не впечатлились, и улеглись поблизости, рядышком – руководить. Вера стояла сбоку, с камерой в руках, и всё запечатлевала.

Рама свинчена шурупами, кое-где закреплена гвоздями.

И то, и другое удалось снять на редкость легко, сам не ожидал. Думал, придётся изо всех сил выковыривать намертво сросшийся с деревом крепёж. Более того – не было ни следа ржавчины, никакой бытовой грязи. А вот это уже странно: зеркало знавало и печной дым, и разную ярость стихий – столько времени провело на чердаке!

Минут за двадцать я разобрал раму и снял подложку. Ожидал, что хотя бы под ней будут следы пребывания какой-нибудь живности. Но ни следов, простите, тараканов, ни других насекомых, ни плесени – ничего!

– Как странно, – заметила Вера. – Столько лет простояло в сырости, под открытым небом, можно сказать! А внутри всё как новенькое!

Да, и ведь это дерево – чем-то пропитанное, естественно, но насколько качественно! Никакой пакости не завелось, никакой заразы.

В конце концов я достал само зеркальное полотно. И снова странность: ни единого угла. Всё сглажено, идеально отполировано. Тыльная сторона словно из серебра – безупречно гладкая, сверкающая плоскость. Тоже, можно сказать, зеркало. И вот на серебристой поверхности, нелепо и несуразно, стоял штамп. Знак качества.

– То есть это никакой не девятнадцатый век, – сказала Вера, усмехнувшись. – Когда ввели этот знак? Где-то в шестидесятых двадцатого века?

– Да не может быть, – возразил я. – Сама ведь говоришь,

что было ещё у твоей бабушки. Может, потом поставили? Вот, смотри, здесь интереснее.

Я подумал, это дефект металлической подложки. Какая-то неровность в левом верхнем углу, если смотреть на зеркало сзади. Приблизил лупу... и удивился. Очень похоже на штрих-код. Который в магазинах можно увидеть на каждом товаре.

– Не может этого быть! – поразилась Вера. – Нужно снять под увеличением!

Согласен. Пришлось повозиться, аккуратно уложить зеркало лицевой стороной на плед, попутно отгоняя во всём участвующих кошек, установить камеру на штатив, хорошо всё осветить. Всё по науке, в общем.

* * *

Мы засняли не только всю тыльную сторону зеркала. Отдельно и крупным планом сняли тот самый знак качества. Мы и лицевую засняли, под увеличением, и всю боковую. Нами гордился бы любой археолог. Кошки вначале смотрели с любопытством на это действие, потом задремали. Скучным делом заняты люди!

– Взять бы ещё образец вещества, – сказала Вера. – Но что-то боязно. Царапать боязно, тем более напильником соскребаать. Может, в другой раз?

Я как раз держал в руке алмаз. Которым стекло режут. Казалось бы, надо только чуть-чуть поскрести сбоку, где всё равно нет зеркальной поверхности. И не мог себя заставить.

Очень уж явственно помнится судьба злосчастной подушки. И порвало её именно изнутри, что конкретно – неясно. При-знаюсь, мы не особо изучали останки подушки, завернули в пластиковый пакет и отнесли в мусор. Возможно, стоило тоже изучить тщательнее, но кто бы знал!

– В другой раз, – согласился я. – Минут через сорок сейф привезут. Где ставить будем? Он не очень тяжёлый, можно и на балкон, у стены. Всё равно хотели балкон застеклить. Всё, давай собирать, у тебя место на диске осталось, хватит записать?

– Хватит, – подтвердила Вера и, встав так, чтобы солнце не слепило, возобновила съёмку.

Собирать оказалось проще. Нарочно сложили гвозди и шурупы так, чтобы ввинчивать каждый именно туда, где взяли. Десять минут – и всё готово. Я прислонил зеркало к стене, ещё немного, и солнечный свет упадёт на него. Что-то не хочется проверять, что последует. Сложить инструменты, убрать их, выпроводить кошек в гостиную... и снова завернуть зеркало в непроницаемую оболочку. Так спокойнее. Я взял алмаз...

И тут в дверь позвонили. Плюшка всегда встречает гостей. Она пулей метнулась, не придумала ничего лучше, как пробежать между зеркалом и стеной. Кровь застыла в жилах, когда я увидел, как зеркало величественно вздрагивает, и начинает медленно падать лицевой стороной вперёд...

Я подхватил его. Всё бы ничего, но в руке был зажат ал-

маз, и я нечаянно чиркнул алмазным кончиком по зеркалу. Но поймал его.

Справа от нас послышался треск и грохот. Вера повернула туда камеру машинально. Карниз дома напротив только что был новёхонек и чист, кирпичик к кирпичику. На наших глазах там возникла косая трещина, послышался скрип и скрежет, и несколько фрагментов кирпичей упали, прямо на дорожку у стены дома.

Мы даже крикнуть не успели. Невероятно повезло, что в тот момент никто не выглянул в окно, или не шёл у стены дома. Вера продолжала снимать, потом уже на записи мы увидели, что часть карниза словно ножом срезало. А я осознал, что держу зеркало, не позволяя ему упасть. А когда посмотрел на него, то увидел, что царапина, которую только что прочертил алмазом, практически совпадает с отвалившейся частью карниза, отражающейся в зеркале прямо у меня перед глазами.

В дверь вновь позвонили, и Плюшка нетерпеливо мяукнула: «Хозяева, вы где?! Гости пришли!».

– Открой, пожалуйста, – попросил я. В горле пересохло. Я осторожно убрал алмаз, и так же осторожно прислонил зеркало к стене. Вера кивнула, выключила камеру и направилась к входной двери, там уже трезвонили вовсю. Что за...

Зазвонил телефон у меня в кармане. «Всё ясно, это шкаф привезли». И разумеется, не могли вначале позвонить, а потом уже поднимать.

Зеркало нельзя так оставлять. Я набросил на него тёмную ткань – самый верхний слой – и выпроводил недовольного Герцога. И инструменты забрал. Даже если теперь зеркало снова упадёт, то упадёт на сложенный вчетверо плед и вряд ли пострадает.

Как в тумане, я принял заказ, и не позволил грузчикам пройти дальше прихожей. Сами отнесём куда нужно, в восемь рук.

– Сокровищ много? – спросил старший из грузчиков. Надо полагать, это шутка.

– Нет, оружия, – сказал я прежде, чем подумал, что говорю. Увидел, как слова застряли в глотке у старшего. – И на каждое есть разрешение. Возьмите, – протянул ему подписанные бумаги.

Никогда не видел, чтобы люди с такой скоростью ретировались.

– Зря ты так, – укоризненно сказала Вера. – С них станется в полицию позвонить.

– А у нас есть его данные и телефон, – показал я наш экземпляр акта. – Ничего не будет, не беспокойся. Хотя да, лучше было так не говорить. Идём, я должен кое-что рассказать.

Царапины на зеркале не оказалось. Хотя мы оба её видели. Заросла, затянулась? А у дома напротив уже стояла машина из ЖЭУ. Быстро они! Хотя у них управление совсем рядом. Когда на голову падает кирпич безо всякого преду-

преждения...

* * *

Вера выслушала мой рассказ, и откинулась на спинку кресла.

– Вот в это точно поверить не могу. Вот хоть убей, не могу. Как это возможно? Ты поцарапал зеркало там, где видел отражение карниза, и именно там отвалилась часть карниза. Не может быть!

– Повторим опыт?

– Ты так не шути, – вздрогнула она. – Ну нет, наверное, верю. Я скоро во что угодно поверю. И царапины больше нет. С чем же мы связались, Костя? И всё это время оно было обычным, старым и никому не нужным зеркалом.

Снова звонок.

– А это кто? – мы переглянулись с Верой. Плюшка уже сидела в прихожей с довольным видом. И мурлыкала.

Плюшка оказалась права, это дети вернулись из школы.

– Что случилось? – спросили они, увидев выражение наших лиц. – Это зеркало, да?

Пришлось рассказать. Всё, кроме истории с карнизом. Я не стал это описывать, да и Вера не стала.

* * *

Шкаф весил не так уж и много, двадцать четыре килограмма. Даже если не закрывать балкон остеклением (а это отдельная бюрократическая морока), содержимое шкафа не пострадает при любом буйстве стихий. Не намокнет, не от-

сыреет, не пересохнет. Он полностью герметичен.

Мы поставили зеркало внутрь (завёрнутое в ткань), заперли массивную дверь, и вздохнули спокойно.

* * *

Сам удивился: вроде столько всего странного произошло за последние несколько дней, а мы ничего не обсуждали, словно происходило вполне обыденное. Дети рассказали забавные истории из сегодняшней школьной жизни, мы показали фотографии поверхности зеркала, и как бы всё. Жизнь шла привычным порядком.

– Костя, – позвала Вера уже ближе к полуночи – ей не спалось, и она решила посмотреть на отснятые фото. Тот самый «штрих-код» оказался мешаниной белых, чёрных и серых точек. Как его нанесли, когда, зачем – неясно. Завтра будем думать, на свежую голову. – Смотри.

Она показывала один из участков под увеличением. Случайно разбросанные точки на этом небольшом участке – на самом зеркале он занимал несколько квадратных миллиметров – при увеличении оказались местами не такими уж и случайными.

Я уже привык к потрясениям, и всего-то потерял дар речи на пару секунд. Перед нами на экране, неровная, но отчётливая на фоне случайного на вид узора, красовалась надпись из двух слов. Выполненная чётким книжным шрифтом без засечек. Два слова.

«It thinks».

8. Медосмотр

Всего день прошёл, а показалось, что неделя. Когда следующим утром дети ушли в школу, и опять никто и словом не заикнулся о зеркале, Вера первым делом открыла то самое фото, верхней левой части подложки.

Надпись «It thinks» никуда не делась.

– Всё надеялась, что это приснилось, – призналась Вера. – Костя, я не верю в магию, всё такое. Прости, если что. В мистику не верю. Как это можно объяснить? Должно же быть объяснение! Только плечами не пожимай!

Я пожал плечами. Машинально.

– Извини. Давай попробуем рассуждать логически. Самое простое объяснение – это всё сон.

– Одинаковый у всех, – проворчала Вера. – «Матрица», то есть. Не пойдёт. Это всё равно не проверить.

– Ну, значит, розыгрыш.

– Вот в это я бы поверила, – вздохнула Вера, – если бы не видела, как оно залечивает трещины. Но вот чтобы ты, или кто-то ещё, тайком от нас развинчивал зеркало и наносил ту надпись. Это каким Левшой надо быть?! И зачем, самое главное?

– Ладно. Твои гипотезы?

Лёгкий шорох, это Плюшка в два прыжка возникла на коврике на столе аккуратно между нами. Мяукнула: «Гладить»

меня, быстро!». Вера улыбнулась и приступила к основным обязанностям человека.

– Сейчас спросим у научного консультанта. Плюшка, что скажешь?

Кошка приоткрыла глаза, посмотрела на человека и молча закрыла снова.

– Консультант занят, – пояснила Вера. – Я бы сказала, это не зеркало, а какой-то прибор. Не знаю, кто сделал, не знаю, зачем. Есть ещё кое-что. В зеркальном слое очень странно распространяется свет. Смотри. – Вера высвободила одну руку, открыла на экране другое фото. – Вот здесь стоит лампа, отсюда снимаем. Видишь разноцветные полосы? И яркость – там, где свет выходит наружу. Мало того, что очень высокий показатель преломления, у стекла такого не должно быть, так ещё и угасает слишком быстро. А зеркало отражает всё правильно, нет искажений цвета, и яркость нормальная.

– И ещё, смотри. – Вера указала курсором. – Очень гладкая поверхность. Слишком гладкая, идеальная. Не может такой быть. Его протирали сто лет, переносили, трогали. Никакое стекло не останется таким гладким. Да, помню, трещины починились. Знаешь, вот в это я даже легче поверю. Я уже читала про новейшие разработки – самозалечивающийся материал.

– Самозалечивающийся материал в конце девятнадцатого века?

Вера отмахнулась.

– Оно столько лет валялось на чердаке. Могли сто раз поменять.

– Кто, и зачем? И не знаю, кто мог сделать такой материал в середине двадцатого века?

Вера вздохнула.

– Слушай, не выбивай последнюю почву из-под ног! Я не могу считать его волшебным! Тогда нужно просто забыть всё, что знали, и что считали правильным.

– Может, и не нужно? – Я погладил Плюшку, и та, мурлыкнув, легла на спину. «Пузо проветривать», – как говорит Вера. Только на третий год пребывания у нас Плюшка позволила потрогать себя за живот – мы даже опасались вначале, не больна ли чем, может, прикосновение болезненное. При том, что никакие медосмотры не показывали ничего. Нет, просто не доверяла. А сейчас – гладьте кто хотите по пузу!

– То есть, «не нужно»?

– Очень просто. Покажи лазер представителю какого-нибудь первобытного племени. В Африке или Австралии. Он ведь сочтёт это колдовством.

Вера кивнула.

– Да, примерно так. Не знаю, Костя, что это такое. Мне спокойнее считать его прибором, машиной. Тогда можно пытаться его изучать, а не трястись от страха каждый день.

– Будем считать машиной. – А какой машиной объяснить то, что я видел в витрине? – Тогда будем изучать. По возможности. Или может лучше сразу сообщить в какой-нибудь

институт?

– И что мы им расскажем? Нас всех тогда надо в известную клинику запереть. На всю жизнь.

Я усмехнулся. Нелепо, конечно. Всё равно когда-нибудь кто-нибудь узнает, такую тайну невозможно хранить всю жизнь. Хотя почему невозможно? Вывезти подальше, в глухое место, там вместе со шкафом зарыть, а лучше сначала залить бетоном, чтобы уж наверняка.

Вера явно владеет основами чтения мыслей.

– Я тоже думала, чтобы спрятать. Но тогда как будто ничего и не было. А оно ведь было, да? Надо изучать. Очень осторожно.

Я кивнул. И тут зазвонил телефон. Я удивился – звонила Филатова.

– Константин Сергеевич? Да, это Маргарита Филатова. У нас появилось окно в клинике, я могу подъехать. Вам удобно привезти животных сегодня? Если нет, то ждём вас в пятницу, как договорились.

Вера всё слышала, у трубки громкий динамик. Я посмотрел в глаза Веры, и та кивнула. Да, давай сегодня.

– Да, нам удобно.

– Замечательно! Ждём вас и ваших питомцев.

– Да, я хочу с ней поговорить поскорее. – Вера встала. – Я тогда пошла за машиной, а ты готовь переноски. Кошки уже сходили в туалет – думаю, доедем без приключений.

* * *

Доехали без приключений, и, что удивительно, без пробок. Долго собирались, не сразу нашли кошачьи документы – справки, медицинские карты. Клиника Филатовой известна на весь город, но считается недешёвой. Не то чтобы мы считали каждую копейку, но ведь деньги не в тумбочке заводятся. Всю дорогу (сегодня за рулём сидела Вера) я развлекал кошек разговорами. Плюшка не очень любит ездить: не кричит, но постоянно смотрит вокруг в беспокойстве. А Герцог просто засыпает, это для него самый верный способ против стресса. «Спать я на вас хотел», – как говорит Вера.

Едва вышли из машины, кошки успокоились (впрочем, Герцог особо и не волновался). А когда вошли в регистратуру, там уже была Филатова.

– Константин Сергеевич, добро пожаловать! Вера Геннадьевна, очень рада видеть. Да, оставьте пока бумаги в регистратуре, мы всё оформим. Раздевайтесь, и проходите в первую комнату налево.

* * *

– Осторожно, Маргарита Васильевна, – предупредила Вера. – Плюшка не любит медосмотров. Может укусить.

«Не любит» – мягко сказано. Свои ещё могут погладить по животу, плюс некоторые другие вольности, а докторов Плюшка не любит. Терпит, в лучшем случае. А здесь, ко всему прочему, доктора незнакомые.

– А мы договоримся! – Филатова сама собирается всё делать? Халат, перчатки. Ассистентка – молодая совсем девуш-

ка – уже наготове. Герцог спокойно дрыхнет в своей клетке, вот кто равнодушно относится практически ко всем врачам. Зевать и спать он на них, плебеев, хотел. Если нет возможности избежать унижительных процедур – смотри на всё свысока и с презрением.

– Мы же договоримся, Плюшечка, да? Ой, какая красавица! – Филатова бесстрашно наклонилась над кошкой, та шумно обнюхала её губы, тихонько мяукнула, и... задрала хвост трубой. – И умница! Будет немного неприятно, но недолго. Давай всё осмотрим.

– Инна, – обратилась Филатова к ассистентке. – Это Инна Железнова, замечательный ветеринар. Я предлагаю сделать всё за раз. Осмотр, анализ крови, УЗИ.

Мы с Верой переглянулись. Влетит в копеечку, конечно, но сами ведь согласились.

– Да, конечно. Я не узнаю её! – поразилась Вера. Мы с ней уже надели защитные рукавицы чтобы держать Плюшку если что. Мягкая на вид и покладистая, на предыдущих медосмотрах она оказывала нешуточное сопротивление. Такой рёв и шипение, словно тигра осматривают. – Как вам удаётся?!

– Мы с кошками понимаем друг друга. – Филатова быстро изучила, что у Плюшки творится во рту, осторожно прошупала всё, что обычно прошупывают, измерила температуру (мы напряглись... но Плюшка и ухом не повела, когда вставили термометр). А теперь надо ещё брить лапу, чтобы взять

кровь, и брить живот – для УЗИ. Ну, сейчас начнётся...

Ничего не началось. Всё прошло на редкость спокойно. Вера время от времени бросала на Филатову восторженные взгляды. Ну надо же!

Наконец, всё окончилось.

– Костя, может, посидишь с ней? – попросила Вера. – Герцог спокойнее, мы справимся. А Плюшка будет нервничать.

– Да, в регистратуре можно подождать, – кивнула Филатова. – Заходи-заходи, Плюшка, всё уже сделали. Извини за неудобства! – Плюшка потёрлась уголками губ о руки Филатовой и... снова замурлыкала. Вот это да! Столько всего подряд стерпеть, и не пообещать хотя бы всех убить, одной остаться!

Я вышел, держа переноску с Плюшкой внутри, и устроился на диване. Посетителей тут порядком, но всё чисто, никаких животных запахов, хотя при мне привели и вскоре отправили на процедуры двух крупных ротвейлеров, дуга, целый выводок пушистых котят и одну пожилую кошку. Плюшка и ухом не вела. Благосклонно приняла знаки внимания (я погладил её, просунув пальцы сквозь прутья дверцы), а потом... задремала.

– Маргарита Васильевна у нас волшебница! – девушка из регистратуры подошла к нам и присела, чтобы увидеть Плюшку. – Столько животных с того света вытащила, столько вылечила! Не всем она нравится, многие ведь с животными ужасно обращаются, а к нам везут, когда всё уже запу-

щено. Ну Маргарита Васильевна и говорит всё, как есть. А у вас, я вижу, кошечка здорова. Сколько ей?

– Семь лет. – Вроде бы должна быть отметка об этом в бумагах Плюшки, или нет? – Мы точно не знаем, она приютская.

Плюшка спала себе и спала, и я решил немного размяться. Походил по регистратуре, посмотрел на витрину со множеством препаратов, там было решительно всё для собак и кошек. И цены не очень кусаются. Я оглянулся – Плюшка спит – и вздрогнул. В зеркале за спиной девушки отразился сидящий на стойке регистрации сфинкс. Тот самый, вернее – та самая.

– Давно не виделись, Ваша светлость, – пробормотал я, без особого удовольствия. Девушка принимала заявку на приём, говорила по телефону и не обратила внимания. Сфинкс в зеркале беззвучно мяукнул, прыгнул на пол (я сделал несколько шагов в сторону, чтобы видеть его в зеркале) и быстрым шагом скрылся за той самой дверью, где идёт медосмотр Герцога.

Что за чёрт! Дверь же была закрыта! А сейчас приоткрыта!

И тут её снова закрыли. И почти сразу же открыли, и вышла Вера с переноской, Герцог спокойно возлежал внутри. Всё с тем же надменным видом.

– Константин Сергеевич, можно вас? – Филатова указала в сторону другого кабинета. Вера кивнула: «Я присмотрю»,

и я направился вслед за владелицей клиники.

Занятно. Выглядит так же, как её офис там, на Красном проспекте. Даже зеркало такое же, и стоит там же.

– С животными у вас всё хорошо, – заверила Филатова. – Анализ крови будет готов к концу дня, но по всем остальным данным для своего возраста они здоровы и в хорошей форме. Чем они питаются?

Мы с ней долго ещё говорили о том, о чём бы и говорили владелец животного и ветеринар. А я не мог оторвать взгляда от зеркала, всё в нём отражалось как положено, все предметы и всё прочее в комнате. Вот только у самого зеркала, по ту сторону, сидела и смотрела на меня та самая кошка. Баст – любимица самой Филатовой.

– Спасибо, Маргарита Васильевна, – поблагодарил я её вполне искренне. Ну и когда... – Вроде вы что-то ещё хотели мне сказать? Помните, там, в вашем офисе?

Филатова явно недоумевает. О чём это я?

– Признаться, нет... ещё раз спасибо за ваш отчёт, Константин Сергеевич! Мы рады, что вы и нас упомянули. Если будет нужна помощь – звоните, мы работаем круглосуточно.

– Моя супруга хотела с вами пообщаться, – сказал я наобум.

– Конечно, – кивнула Филатова. Она смотрела в ту же сторону, что и я – не могла не видеть сфинкса! – Пусть зайдёт. Доброго вам дня!

Я распрощался с ней и, ощущая взгляд сфинкса на за-

тылке, вернулся в регистратуру, сменил Веру «на посту». И Герцог, и Плюшка спокойно спали себе. Так. Сейчас расплатиться, и можно домой ехать. Ничего не понимаю. Что, Филатова всё забыла, и не видит собственного сфинкса?

Как громом поразило. А что, если и впрямь не видит?. Что там мне сказали? «Я могу помочь вам забыть»? Уж не «помогли» ли самой Филатовой?

На всякий случай я посмотрел в зеркало за спиной у девушки за стойкой и не увидел никого постороннего. В смысле, зазеркального.

Вера вышла минут через пятнадцать. Явно довольная. Во взгляде её ясно читалось: «Потом, потом всё расскажу». И то верно.

– Сколько с нас? – я полез в сумку за бумажником. Девушка улыбнулась.

– В первый раз – за наш счёт. Да-да, всё совершенно бесплатно. Если хотите, можете заплатить любую сумму, символически – она поступит на ваш счёт, мы учтём её в следующий раз. Можете не платить, вам решать.

Мы с Верой обменялись удивлёнными взглядами. Однако!

Я наугад достал из бумажника купюру. Две тысячи рублей.

– Так пойдёт? – спросил я у девушки.

Она улыбнулась, кивнула, выдала мне чек, и минут через пять мы уже ехали домой. На этот раз я сел за руль.

– Она всё намёками говорила, – сказала Вера минут через десять. – Не скажу, что я всё поняла. Дома поясню подробнее, там и поговорим, ладно?

– Конечно. – Я не без опаски смотрел теперь в зеркала заднего вида и боковые. Но ничего постороннего там не появилось, и мы добрались домой аккуратно к возвращению детей из школы.

* * *

Дети быстро согласились считать зеркало загадочной машиной, ни в коем случае не трепаться о нём и вместе его изучать. С максимальной осторожностью. Аня и Денис тут же умчались к себе искать сведения о зеркале по надписям на его раме, и по внешнему виду. Словом, процесс пошёл. А мы с Верой сняли повязки с лап у кошек – ранки уже зажили, надо же! – и убедились, что на выстриженных животах не осталось ничего постороннего – геля для УЗИ, или ещё чего.

Кошки на удивление спокойно восприняли это невольное продолжение медосмотра, и вот уже Герцог возлежит на своём королевском коврикe, а Плюшка у нас на столе. Всё чинно и по правилам. Прямо лепота!

Телефон позвонил уже под вечер. Филатова. Я показал номер Вере и та ощутимо напряглась. Анализы обещали при-слать электронной почтой, почему она звонит? Не любим мы внезапные, особенно вечерние, звонки.

Я включил громкую связь.

– Константин Сергеевич? – голос Филатовой. – Вам сей-

час пришлют итоги анализов крови, и всё остальное – для архива. С вашими животными всё хорошо, я очень рада за вас. Хотела бы снова извиниться.

– За что, Маргарита Васильевна? – спросила Вера. – Всё было отлично, мы в восторге, если честно. Так всё хорошо и быстро сделали.

– Замечательно! Я не смогла приехать сама – внезапные дела. Я попросила моих лучших специалистов всё сделать. Очень рада, что вы остались довольны. Ждём вас через год на плановый осмотр! Не болейте!

– Спасибо, Маргарита Васильевна, – произнесла Вера на автомате. Короткие гудки.

– Я ничего не понимаю. – Вера взяла меня за руку. – Если она не смогла приехать, то кто проводил медосмотр, с кем мы говорили?! Ты что-нибудь понимаешь?

Я вздохнул. Вера не любит, когда пожимают плечами. Я помотал головой.

Мы посмотрели на Плюшку. Она старательно мыла выстриженный живот. Покосилась на нас – смотрите, пёс с вами! – и продолжила.

9. Чёрная метка

На следующее утро позвонили родители Веры и попросили съездить в их деревенский дом, тот самый, доставшийся от тётки. Тесть оставил там инструменты, попросил забрать. Давно уже уговаривали продать дом, пусть он и близко, но жить там постоянно в обозримом будущем никто не собирается. Но он ни в какую не соглашался – у человека должен быть настоящий, собственный дом, построенный предками.

Ну нет, так нет. Деревня вполне жива и здравствует во многом благодаря сыроваренному заводу поблизости. Дом хоть и пустует, но под присмотром, соседи напротив следят за порядком. «Наше поместье», – как говорит Вера, когда родителей нет рядом.

– Съездишь? – попросила Вера. – Я бы составила компанию, но мне сегодня в институт. Папа ворчать будет, если снова откажемся. У тебя когда встреча с твоим автором?

– Пока не договорились. В субботу, вероятнее всего.

В общем, я согласился. Когда дети ушли в школу, мы с Верой вместе посмотрели на «секретные материалы» – составленный нашими общими усилиями список того, что уже узнали о зеркале и о людях, как-то причастных к недавним событиям.

– В клинике все были уверены, что это она, – сказала Вера. – И вот, смотри. – Она показала снимок – там, где Фила-

това, или кто это был, осматривает Герцога. Очень уж забавное «выражение лица» у Герцога было, а Филатова ничуть не возражала против съёмок.

На снимке я увидел всё того же сфинкса; хотя зеркал там нет, но есть шкаф со стеклянной дверцей. Оттуда сфинкс и выглядывал, причём смотрел прямо в объектив. Мне уже удаётся держать себя в руках, Вера ничего не заметила.

И Филатова на этом снимке вполне настоящая.

– Позвонить туда и попросить позвать того человека, который вчера проводил медосмотр?

– Позвони, – согласилась Вера.

Нам позвали Инну Железнову. Вера спросила у неё какую-то мелочь, поблагодарила и извинилась, что отвлекает по пустякам. Ну и прочие китайские церемонии с обеих сторон.

– Ничего не понимаю. – Вера посмотрела мне в глаза. – Выходит, что там считают, что Инна одна всё делала. Тогда я хочу поговорить с Филатовой ещё раз. Так, чтобы она была настоящая.

– Проще всего съездить туда, в её офис. Там её проще застать. Договориться?

– Договориться! – Вера взяла меня за руку. – Я полночи заснуть не могла. Это уже ни в какие ворота!

– Тогда вот что. – Я позвонил, и буквально за пять минут договорился о визите на следующую неделю, точно так же, во время её обеденного перерыва. – Есть ещё три фотогра-

фа, которые были на той выставке, и с которыми я не успел созвониться. И мой отзыв о выставке, я точно помню, что ничего не писал, но уже третий раз о нём упоминают. Я хочу увидеть его. Поможешь?

– Конечно. – Вера обняла меня. – Ближайшая электричка через час. Обязательно позвони, как доберёшься.

* * *

«Фонарной» у нас нет, но пару ящиков в шкафу моё «светоносное хозяйство» занимает. На этот раз я решил взять что-нибудь серьёзнее и остановился на портативном фонаре в шесть тысяч люмен. Тот самый, первый в моей нынешней коллекции, зайчик от которого мы наблюдали на далёком строящемся доме. Всерьёз его использовать негде, во всех ситуациях хватало ручных фонарей.

Понятно, что это ребячество. Но если яркий свет уже который раз выручает, то грех не взять с собой его источник. Мама говорит, что я в детстве жутко боялся темноты, но сам я ничего такого не помню.

Время в поезде пролетело быстро, я потратил его с пользой, портативный компьютер – это вещь. Да и народу в вагоне оказалось мало, всего три человека. Оно и понятно: октябрь, вот-вот снег ляжет. Огородные хлопоты до весны завершены.

По дороге от станции прошёл мимо продуктового, чуть не зашёл машинально. Опомнился, уже взявшись за ручку двери. Продукты не нужны. Только отпустил ручку, ни с того

ни с сего вновь пришли на ум слова «it thinks». Ну нет, не дождётесь. Стараясь даже не смотреть в сторону витрин, я твёрдым шагом направился дальше.

Оба «волшебных слова» не отпускали, по дороге попало несколько домов, и, когда проходил под их окнами, слова словно громче звучали. Минут через десять я уже подошёл к нашему дому и фраза «отпустила». Ну и замечательно.

– Папа просил, чтобы ты слил воду из железной бочки, – сказала Вера. – Они в этом году уже не выберутся. А соседи присмотрят, папа договорился.

Слить так слить. Но вначале – инструменты. Они уже сложены – упакованы в контейнер. Их действительно просто забыли. Окна забраны ставнями; если что – дрова и уголь есть в сарае, но надо проверить, хватит ли на зиму. Повезло с соседями, они проследят, чтобы дом не промёрз, чтобы кто чужой не залез. Собака у них умная, почуяла меня, безошибочно определила, что свой, даже лаять не стала. Выглянула, повиляла хвостом, и снова в будку.

Я прошёлся по комнатам, проверил, что к зиме всё готово. Так. Теперь слить воду; проверить, что колодец надёжно закрыт; проверить, что дрова и уголь на месте, и можно уезжать.

После прохладного полумрака дома показалось, что на улице жара. И то верно – солнце жарко, по-летнему светило. С чего бы это? Самый-самый последний тёплый день этого года?

Я заглянул в бочку, она полна чистой воды; листья, конечно, напали, но стоило их убрать, и стало видно, насколько прозрачна вода. А холодная! Такой умытья поутру – враз разбудит.

Фраза вновь начала лезть в уши. Да что за наваждение! Слить воду, всё проверить и уезжать. Не нравятся мне эти два надоедливых слова.

Показалось, что голова стала колоколом, и кто-то в него ударил со всей силы. Я осознал, что схватился за края бочки; если бы не это, вполне мог бы окунуться в ледяную воду. Что за...

Когда удалось совладать со зрением, я понял, что в воде отражаюсь вовсе не я. Из бочки на меня смотрела незнакомая рыжеволосая женщина в ярко-красной кофте, с овальным лицом и тёмными, глубоко посаженными глазами.

– Напрасно вы уклоняетесь от разговора, – сказала она, улыбнувшись. – У нас всего четыре с половиной минуты, господин Загорский, прежде чем нас с вами заметят.

* * *

Я выпрямился. Первым побуждением было бежать куда подальше. Я оглянулся – деревня как вымерла. И тишина вокруг: ни птиц не слышно, ни другой живности. При том, что деревня большая, пустующих домов немного. Я попробовал отойти от бочки, ноги словно сковало. Очень мило.

Я включил камеру и диктофон на телефоне и снова склонился над бочкой.

– Для вас это – вопрос жизни и смерти. – Женщина уже не улыбалась. Губы её – отражения – двигались, но голос я слышал так, словно женщина стояла напротив меня по ту сторону бочки. – Я заметила на вас метку. При других обстоятельствах я просто заставила бы вас всё забыть, но сейчас у вас просто не будет ни единого шанса.

Мне стало не по себе.

– Что за метка? – поинтересовался я. – Кто её поставил?

Женщина усмехнулась.

– Кто поставил, мы очень скоро узнаем. Нет времени объяснять. Кто-то встретился с вами, кто-то очень необычный, два или три дня назад. Припоминаете?

Я уже хотел сказать про того испарившегося карлика, но прикусил язык. Тогда, наверное, придётся сказать и про зеркало, и что потом? Возникло странное чувство. Словно кто-то вынуждает меня думать о том, о чём я не хочу думать, и при этом роется в моей памяти. Вот так, да? Недавно я перечитывал одну фантастическую книгу, и там герой намеренно напевал про себя незатейливую, но навязчивую песенку, чтобы помешать рыться в своей памяти. Попробуем?

Это оказалось легко. И вспомнить простенькую прилипчивую песню, и мысленно напевать её. Сразу же подействовало – пропало ощущение, что кто-то роется у меня в голове. Женщина улыбнулась, и сказала:

– Я тоже читала эту книгу, господин Загорский. Знаете, что может случиться?

Я осознал, что руки и ноги – да что там, всё тело – меня не слушаются. Я наблюдал, как левая рука добыла мобильник, правая разблокировала его и принялась быстро набирать сообщение. Указательный палец замер, не отправив его, и тут я вновь обрёл власть над своим телом.

Прочитал, первым делом, что за сообщение и кому. Кому – Вере. Текст: «Срочно нужна помощь, вопрос жизни и смерти. Приезжай в деревню. Никакой полиции. Костя».

Я сбросил сообщение, убрал мобильник и склонился над бочкой. Отчётливо ощущал, как дрожат руки. Во взгляде рыжеволосой мне почудилось презрение. Она кивнула.

– Будет примерно так. Я уважаю ваше право распоряжаться своей жизнью. Другие церемониться с вами не будут. Я – единственная, господин Загорский, кто защищает вас сейчас. Если вы меня разочаруете, вам и всей вашей семье сотрут память о последних событиях. Я думаю, после этого вы проживёте два, максимум три дня. Нет, никто не собирается вас «ликвидировать». Просто вы встретитесь с тем, кто нанёс на вас метку. Припоминаете, кто это мог быть?

Я «припомнил», не хватало ещё, чтобы Веру и детей во всё это впутали. Фразу про два или три дня женщина произнесла спокойным, практически равнодушным голосом. И я ей поверил. И вкратце описал того карлика и то, как он превратился в дым.

Женщина кивнула. Ну хоть про зеркало не спросила.

– Возвращайтесь домой, пока светит солнце. Избегайте

тёмных помещений, держите фонарь наготове. Я позабочусь об охране, и...

Она исчезла. Как ножом отрезало. Я помотал головой, посмотрел в бочку, там отражалось моё обалдевшее лицо. Глянул на часы: похоже, истекли те самые четыре с половиной минуты. И понял, что меня бьёт дрожь.

А деревня словно проснулась. Лай собак, звук циркульной пилы. Кто-то что-то где-то приколачивал – словом, жизнь идёт. И что творилось с этой жизнью предыдущие четыре с лишним минуты?

Признаться, воду из бочки я сливал с большим удовольствием. Всё остальное проверил минуты за три, теперь мне хотелось убраться отсюда поскорее.

Подниматься на чердак я не стал. Вроде бы не считал себя на самом деле пугливым в смысле темноты. Но «напутствие» этой женщины – избегать тёмных помещений – вовсе не казалось теперь пустым звуком.

– Вера, – не сразу решился позвонить. Пару раз «репетировал», чтобы убедиться – голос звучит нормально. – Я возвращаюсь. Да, всё сделал, инструменты забрал.

* * *

Пока ехал обратно, в вагоне последние двадцать минут я сидел один, долго думал. Значит, мне продемонстрировали, что при случае мной и, видимо, любым человеком можно управлять. Отвратительное ощущение – быть марионеткой, при этом всё слышать, видеть и понимать. Кто же это может

быть? И при чём тут кошки, интересно? То, что им, как и другим животным присущ определённый интеллект, я и так понимал. Признать этот интеллект хотя бы равным себе люди всё равно не смогут.

Сплошные загадки. А сегодня – так и вовсе шпионские страсти. И кто, интересно, мог стать свидетелем нашей с ней беседы «через воду» спустя четыре с половиной минуты? Много вопросов, а ответов пока не ожидается. И что-то совсем не хочется обращаться к «зазеркальным» за помощью. Мне сегодня наглядно показали, какого они о людях мнения.

Есть отчего впасть в уныние. Но я отчего-то не впадал. Солнце только-только скрылось за горизонтом, когда я подошёл к подъезду. И увидел скучающую под дверью трёхцветную кошку, не сразу узнал Машку, которая изредка появлялась у нас в подвале. А потом понял, почему она снаружи: все окна в подвал теперь забраны частой сеткой. Правильно, в общем. Меньше будет мышей да крыс, их Машка ловила исправно, и каждый раз, когда кто-то спускался в подвал, находил там «трофеи». Выглядит Машка чистой, на вид не голодает. Сразу можно сказать, что никакая она не бездомная. Но где тогда её хозяйева, зачем выпускают её бродить?

– Не можешь в подвал попасть? – Вера предостерегала и меня, и детей – не трогайте бродячих животных, заразу занесёте. Но в данном случае я рискнул. Впустить в подъезд? Сейчас уже холодно ночевать снаружи, да и опасно. На моей памяти, Машка несколько раз отсиживалась у нас в подъез-

де, никогда там не пакостила, оттого её и не гоняли.

– Заходи, – я открыл дверь. – Погрейся. – Может, всё-таки отвезти её в приют? Сколько она так протянет, бродячей жизнью? Насмотрелся я уже что случается с такими животными.

Машка потёрлась о мои ноги и, держа хвост вертикально, прошествовала внутрь. Неторопливо так, с достоинством. Раз уж впустил, надо ей хотя бы воды принести, что ли. Сейчас отнесу инструменты и займусь.

* * *

Лифт, как назло, не работал. Пришлось идти пешком, я заметил, что на третьем и четвёртом этажах не горит свет. Проклятие какое-то, что случается с этими лампочками?

«Надо чаще ходить пешком», – подумал я. Так недолго и совсем форму потерять. Поднимался и поднимался, и думал о последних словах этой рыжеволосой, «из бочки». Интересно, о какой охране она говорила? И что это за охрана будет – зазеркальные кошки, что ли? Или как?

У нас на этаже тоже со светом неладно: лампочка едва тлеет. Ладно была бы лампа накаливания, но каким образом может «тлеть» светодиодная? Была мысль достать фонарик, да поленился ставить ящик с инструментом, лезть в сумку. Полез в карман, достал ключи и понял, что дверь с той стороны закрыта «на щеколду» – на собачку. Снаружи не открыть. Не беда – позвоню. Лампочка тем временем совсем отказала, я ждал, и ждал, и ждал, а дверь всё не открывалась...

А когда открылась, я осознал две вещи: вокруг меня глубокая тишина и непроницаемая мгла, и только впереди слабо виден прямоугольник света – и что-то знакомое в нём. И ещё – стало очень холодно.

* * *

Дети у себя, закончили с уроками, и сейчас заняты исследованием. История с зеркалом для них – невероятно интересное приключение. «Хоть для кого-то это приключение», – подумала Вера.

Дверной звонок прозвучал непривычно тихо. Вера заканчивала переснимать материалы для диссертации: кошки, услышав звонок, разом соскочили с насиженных мест, и помчались в прихожую. Так и заметила, только потом осознала, что в дверь звонят, но звук слишком тихий. В прихожую она не побежала, а пошла быстрым шагом.

Там уже осознала, что лампа под потолком светит слабее обычного, а вокруг слишком тихо. Словно уши заложило. Вера помотала головой, наверное устали и глаза, и уши. Кошки вели себя необычно, оба привстали перед входной дверью, и яростно царапали её.

– Герцог, Плюшка, отошли! – свой голос также прозвучал непривычно тихо. Странно. Вера распахнула дверь...

И замерла – зрение не сразу восприняло то, что было по ту сторону. Там стоял Костя, в куртке и кепке – в том, в общем, в чём уехал – его обычная сумка через плечо, в другой руке – чемоданчик отца Веры, с инструментом. А за спиной

Кости клубилось непроницаемо-чёрное облако, чернильная туча, от неё исходило ощущение холода.

Герцог и Плюшка, оба по эту сторону порога, сгорбились и издали низкий, угрожающий шип и рычание. И туча отшатнулась, отлетела от человека на несколько шагов. Вера осознала, что одной рукой придерживает фотоаппарат, висящий на шее на ремне; не глядя схватила его, направила перед собой и нажала на кнопку.

Вспышка прокатилась по лестничной клетке белой волной; сгусток тьмы съёжился, обрёл форму эллипсоида, отодвинулся ещё на несколько шагов.

Герцог и Плюшка, сидящие внутри квартиры, продолжали шипеть и рычать. Вера трясущимися руками нажала на кнопку – заряжайся, заряжайся же – и хотела крикнуть Косте «Берегись!», и не могла – горло словно сковало. Что-то странное происходило с Костей, он двигался очень медленно. Но двигался, медленно повернул голову, правой рукой открыл верхний клапан своей сумки...

На площадке послышался вой, шипение и треск, словно рвалась невидимая ткань. Вера выглянула, и не сразу поверила в то, что увидела. Сгусток тьмы обрёл человекообразные очертания, а на «голове» его восседала трёхцветная кошка и, рыча и шипя, драла когтями противника. При каждом движении её лап слышался тот самый треск.

Вспышка зарядилась. Вера приподняла фотоаппарат так, чтобы прицелиться в противника и нажала спуск. Новая бе-

лая волна, и чёрный человек, или что это было, съёжился и покрылся прорехами – словно свет размыл его, как кипятком кусок сахара. Кошка так и сидела на противнике, раздирая его когтями, оглашая окрестности жутким воем и рычанием.

Костя словно проснулся. Закончил поворачивать голову в сторону происходящего. В следующие несколько секунд в руке его появился фонарь, и пятно нестерпимо яркого света упало на поле боя.

Ещё десяток секунд – и всё было кончено. Кошка спрыгнула с противника и, не переставая рычать и выть, отбежала в сторону. А то, что оставалось – груды чёрных лохмотьев – стремительно таяла в конусе яркого света. Вера вышла наружу – вспышка зарядилась – и в третий раз нажала на спуск. Оставшиеся чёрные обрывки вспыхнули ярко-белым пламенем и сторели на глазах у людей. Ничего не осталось – ни дыма, ни пепла.

Словно по команде, свет на лестничной площадке загорелся в полную силу, Герцог и Плюшка умолкли, и перестало казаться, что заложило уши.

Кошка – теперь и Вера узнала в ней Машку – сидела, и умывалась спокойно и тщательно, словно ничего и не случилось. Посмотрела на людей и вдруг чихнула.

– Будьте здоровы, Мария Котофеевна! – сказали люди хором. Переглянулись и рассмеялись. И тут в прихожую выскочили Денис и Анна.

– Назад! – сказал им Костя предостерегающе. – Пока что

не выходите. Вера, щёлкни ещё несколько раз, для верности, ладно?

Герцог и Плюшка, уже успокоившиеся, так и сидели у порога – часовые, охраняющие подступы к крепости. Сидели и не сводили взгляда с дверного проёма.

10. «Да» и «нет» не говорите

Не думал, что пропущу столько интересного. Хотя, признаться, интересного сегодня успело случиться хоть отбавляй.

Не осталось на лестничной клетке ничего необычного. Только пыль, высохшая уличная грязь, завтра придёт уборщица, и станет чисто. Сколько Вера ни «засвечивала» пол, ничего уже не менялось. Что бы это ни было, оно исчезло. Хочется надеяться, что навсегда.

– Вроде бы всё, – сказала Вера, наконец. – А с Машкой что?

– Мама, давай её к нам! – предложила Аня.

Машка словно ждала этих слов: прекратила умываться и, держа хвост трубой, пошла ко входу в квартиру. Мы замерли, готовые вмешаться. Обычно Герцог и Плюшка отваживаются чужаков – иной раз не издав ни звука. Машка подошла к ним, обнюхала мордочку обоих (а те обнюхали её), а затем... развернулась и направилась той же походкой в тот самый угол, где только что умывалась. Герцог и Плюшка, словно сговорившись, тотчас развернулись и, держа хвосты трубой, ушли в гостиную. Кризис окончен, надо полагать, можно заняться обычными делами.

– Ну ма-а-ам! – нахмурилась Аня. И я сразу вспомнил «Эдуарда» и его требование «купить мне именно этого ра-

ба». Даже чуть не рассмеялся.

– Аня, подожди. Костя, смотри. – Вера подошла к Машке, наклонилась и погладила кошку. – Она ведь была трёхцветной! И все цвета яркие! А сейчас? Ты видишь?

Да, теперь я видел. Кошка словно обесцвечивалась. Причём происходило это практически на глазах.

– Не нравится мне это, – сказала Вера. – Что-то с ней не так. Аня, живо звони в клинику – скажи, у нас... – Вера запнулась. Аня кивнула и умчалась в гостиную за телефонной трубкой. А когда вернулась, и уже начала набирать номер, Вера всё ещё не придумала, что сказать.

– Скажи, что произошёл несчастный случай, кошке нужна помощь, – предложил я. – Если спросят, скажи, что кошка не ранена.

– Да, правильно! – Вера вручила мне фотоаппарат и забрала чемоданчик с инструментами. Скрылась в гостиной и вернулась секунд через десять с переноской в руке. – Давай, сажай её внутрь. Смотри, ей нехорошо!

Это точно. Машка, только что бодрая и довольная, села, подобрала лапы, и уставилась в пол, время от времени облизывая нос.

– Аня, дозвонились? – спросила Вера, надевая куртку и шапку. Аня вернулась и кивнула.

– Сказали, можете приезжать прямо сейчас, вас будут ждать.

– Умничка! Всё, мы повезли её к доктору. Если задержим-

ся – ложитесь спать, не ждите нас.

– Мам, подожди! – Аню переубедить всё равно, что кошку перевоспитать. Практически невозможно. – А когда её вылечат, ну и всё прочее, прививки и всё такое, можно, мы её к себе возьмём?

– Не меня уговаривай, – сказала Вера. – Уговаривай наших кошек.

– Уговорю! – Довольная Аня скрылась в гостиной, а Денис запер за нами дверь.

– Машка, мы быстро! – Вера вручила мне переноску. – Я пойду быстрее, машину пока заведу.

* * *

Наверное, правильное было бы поехать в клинику Филатовой, но мы понимали, что можем просто не успеть. До нашей клиники пятнадцать минут езды. По ночному городу – десять. И то мы боялись не успеть. Машке, похоже, стало совсем худо, она стала на вид совершенно серой, свернулась в клубок, и время от времени тихонько, жалобно мяукала.

– Потерпи, пожалуйста! – Вера ехала настолько быстро, насколько по нашим дорогам было возможно. – Мы уже почти приехали!

Когда прибыли и вошли в приёмный покой, нам сказали взвесить кошку. Вот тут стало страшно – показалось, что Машка уже не дышит. Девушка за стойкой кивнула, записала данные, и указала.

– Пройдите в комнату направо, пожалуйста. Врач сейчас

подойдёт. Не забудьте бахилы.

Внутри кабинета оказалось чисто, пахло стерильностью и чем-то успокаивающим; по слухам, даже самые нервные животные здесь ведут себя спокойнее. Может, в воздухе что-то распыляют? Я осторожно положил Машку на стол, кошка тяжело дышала, часто моргала. Иногда беззвучно открывала и закрывала рот.

Вера нервничала. Видно было, как она переживает, но старается не подавать вида. Ну где же этот врач?!

Краем глаза я заметил движение. Оглянулся – над письменным столом, в глубине комнаты, висит зеркало. И мне показалось... да нет, не показалось. Там появилась знакомая физиономия сфинкса. Чтоб тебя! Нашла же время!

Машка внезапно уселась, то есть попыталась усесться, но лапы расползались. Она повернула голову в сторону зеркала и попыталась спрыгнуть на пол; хорошо, что я поймал её, не дал свалиться. Машка посмотрела мне в лицо, хрипло и громко мяукнула и снова посмотрела в сторону зеркала.

Тут до меня дошло.

– Костя, что ты делаешь?! – Вера попробовала остановить меня. Я осторожно взял Машку на руки и понёс к зеркалу. Она явно туда указывает. – Не сходи с ума! Что ты...

– Вера, пожалуйста! – Сфинкс ещё раз показался в зеркале, видимо, в зеркальной комнате зеркало висит так же, и сфинкс попросту прыгает, чтобы до него добраться. Сам не знаю, зачем это сделал, я толкнул стул ногой, тот докатился

до стены. И тут же на его спинку как раз под зеркалом запрыгнул сфинкс. Зазеркальная кошка посмотрела на меня, и спрыгнула на сидение стула.

Я поднёс Машку к зеркалу, совершенно не понимая, что делать дальше. Поднёс и обомлел – Машка не отражалась в зеркале. Я отражался, Вера, всё убранство комнаты – столы, шкафы, оборудование – но не Машка.

– О господи! – сказала Вера за моей спиной. – Костя, она не отражается?!

Машка снова мяукнула, и потянулась лапой в сторону зеркала. И лапа прошла насквозь! Машка, похоже, собралась с последними силами, сильно оттолкнулась от моих рук, впившись когтями, и спрыгнула «на ту сторону». Я невольно отошёл. Вера подбежала ко мне, заглянула в зеркало. Глаза её стали совершенно круглыми: Машка стояла на полу зазеркальной комнаты, а в этой комнате никого не было на том месте.

Сфинкс спрыгнул со стула, подошёл к Машке и потёрся щекой о её шею. А я только сейчас заметил, что Машка снова стала трёхцветной и двигалась бодро, легко.

Кошки обнюхали мордочки друг у дружки, а затем побежали одна за другой, в сторону двери. Я оглянулся; и опять, дверь оказалась приоткрытой. А мы её закрыли за собой!

Вера осторожно протянула руку и коснулась зеркала кончиком пальца. Вздрыгнула. Зеркало как зеркало.

– Ты это тоже видел, да? – спросила она упавшим голо-

сом. – Я не сошла с ума? Машка прыгнула внутрь зеркала, и убежала там куда-то?

– И снова стала нормального цвета. И, похоже, вылечилась.

Вера кивнула. Оглянулась – хороша картина – пустая переноска с ковриком внутри, и мы с таким выражением на лицах, что впору вызывать санитаров.

– Она тебя поцарапала! – всплеснула руками Вера. – Сейчас, у меня с собой есть йод и пластыри...

Дверь отворилась, и вошёл врач. Ну, началось. Что мы ему скажем, интересно? «Наша кошка бродит где-то по вашим зеркалам, доктор. Как её поймать?»

– Простите, я думал, вы уже ушли, – сказал он. Совсем молодой, что-то я не помню такого. Значок на его халате гласил «Сидоров Валерий Михайлович». – Ничего себе! Это кошка вас так?!

Я кивнул. Врач быстро добыл средства первой помощи, и вот уже царапины обработаны и заклеены пластырем.

– Спасибо, доктор, – сказал я искренне. – Сколько с нас?

– Вы уже рассчитались. А это – бесплатно, разумеется. Если у вас есть ещё вопросы...

– Нет, доктор! – сказали мы практически хором, и ушли. Чуть не забыли переноску – Вера подхватила её в последний момент.

Девушка за стойкой тоже пожелала нам приятного вечера, улыбнулась, и продолжила заниматься какими-то своими

делами. Мы вышли из здания, и уже садились в машину, когда обнаружили, что не сняли бахилы. Сам не знаю, отчего это так рассмешило, минуты три мы безудержно хохотали. Затем сняли бахилы и я завернул их в пакет, нам совсем не хотелось возвращаться в клинику. А до следующей ближайшей урны чуть не километр ехать.

Некоторое время мы так и сидели. Я на пассажирском месте, Вера – за рулём. Не заводя двигателя.

– Скажи мне ещё раз, что я не сошла с ума, – попросила Вера. – Машка спрыгнула в зеркало, и там куда-то убежала. И вылечилась по дороге, да?

– Ты не сошла с ума, – кивнул я. – Да. Я видел то же самое. Вера почувяла заминку.

– Но ты видел что-то ещё, верно?

Трудно выдержать её взгляд. Была не была.

– Верно. Я видел... – ожидал «щелчка», но его не случилось. – ...ещё одну кошку. Такое ощущение, что они с Машкой знакомы. Они вместе куда-то убежали.

Вера закрыла глаза, кивнула.

– И ты видел её раньше?

– Уже много раз.

Вера снова кивнула. И посмотрела мне в глаза.

– Костя, что нам теперь делать? Правда, я не понимаю. Ведь этого всего не могло быть! Ничего не могло!

– Есть одна идея. Приехать домой, чем-нибудь отвлечься, и лечь спать. А завтра найти объяснение. Хоть какое-нибудь.

Вера кивнула в третий раз.

– Мне нравится этот план. – Она завела двигатель. – Тогда ты придумываешь, чем отвлечься.

* * *

Домой мы вернулись во втором часу ночи. Вышли из машины и внезапно решили прогуляться. Долго гуляли под яркой жёлтой луной – и, признаться, чихать я хотел на предупреждение опасаться темноты. Просто гуляли, держась за руки, и были счастливы.

Аня дремала в кресле. Видимо, её разбудили кошки: и Плюшка, и Герцог пришли ко входной двери и сели, недовольно жмурясь: «Ну и где вас носило, люди? Почему всю жизнь нарушаете распорядок?».

– Мама? Папа? – Аня не сразу сумела подняться на ноги. – Всё хорошо, да? Хорошо?

– Всё хорошо, милая, – улыбнулась Вера, и обняла дочь. – Иди-ка спать. Мы потом расскажем.

– Но с Машкой всё хорошо, да? Вы видели?

– Мы видели, – кивнула Вера и встретилась взглядом со мной. Ну да, видели. – Она здорова, хорошо себя чувствует. Не переживай.

Аня улыбнулась со счастливым видом, и побрела в свою комнату. Чуть не ударилась головой о дверь, по дороге. Вера покачала головой, и улыбнулась.

– Ума не приложу, что ей сказать. – Она принялась снимать уличную одежду. – Просто ума не приложу.

– Правду, – предложил я. – Столько всего уже случилось...

Вера приложила палец к моим губам.

– Сегодня – ни слова больше. Всё, начинай думать, как меня отвлечь! Ты обещал!

* * *

Удивительно, но я проснулся, как всегда рано, то есть спал всего полтора часа, а чувствовал, что выспался. Вера открыла глаза, счастливо улыбнулась, и потянулась.

– Я выспалась, – сказала она удивлённо. – Надо же. Тебе кофе, как всегда?

Дети ещё раз расспросили про кошку, но подробностей не требовали. Да, когда мы уходили из клиники, Машка выглядела и чувствовала себя хорошо. Больше с нас ничего не спросили, и так было понятно, что кошке необходимо лечение, потом те же прививки и всё остальное. Аня согласна ждать – если потребуется, то ждать долго. Это замечательно, когда не приходится либо говорить несусветную правду, либо правдоподобную ложь.

– Знаешь, – сказала Вера минут через тридцать после того, как мы дописали «секретные материалы» и сидели, вчитывались, проверяли, что ничто не упущено. – Я думала, что если увижу что-нибудь невероятное, совсем невозможное, то или убегу подальше, или в уголок забьюсь. В детстве меня дразнили трусихой. А вчера даже не раздумывала. Вот понимала, что не могло этого быть, а всё равно не раздумыва-

ла. До сих пор удивляюсь. Значит, что-то похожее ты видел раньше?

Я кивнул и рассказал про испарившегося карлика.

– Он хотел добраться до зеркала, – предположила Вера. – Странно, что не забрал его, что в этом такого сложного? Поднял и понёс.

– Или не мог поднять...

– Или одно из двух, – закончила Вера, и мы оба рассмеялись. – И опять это зеркало. И есть что-то ещё, что ты не можешь пока рассказать. Полностью не можешь. Та кошка в зеркале. Ты ведь видел её на выставке?

Я кивнул. Никакого «щелчка», что удивительно.

Вера открыла на экране несколько фото. Тех, с выставки.

– Посмотри, – попросила она, и глядела на моё лицо, листая фотографии одну за другой. – Вот эта, да? – Она указывала курсором на того самого сфинкса. Под именем египетской богини Баст.

Я кивнул. Занятно, что нет ощущения, что мне сейчас снова устроят помрачение памяти. Нет «щелчка».

– Попробуй – только представь, хорошо? – что ты собираешься мне рассказать о ней. Ну то, что было на выставке.

А вот теперь явственный такой «щелчок»: «Ни слова больше!».

Вера кивнула и улыбнулась.

– Ты не можешь сам рассказать, – она протянула руку и погладила меня по голове, – но, похоже, можешь отвечать

«да» или «нет». Давай проверим? Что-то необычное было с той кошкой?

– Да.

– С ней одной?

– Нет.

– С ней, и с этой, как её... мадам де Помпадур?

– Да.

– Они вели себя странно?

Я пожал плечами. Вера кивнула.

– Ясно, неправильный вопрос. Они делали что-то неожиданное?

– Да.

– Их не все видели?

Я пожал плечами. Понятия не имею.

– Ясно. Они не отражались в зеркале?

Пожимаю плечами. Может, и не отражались.

– Они делали то, что кошки обычно не делают?

– Да.

– Они проходили сквозь предметы?

– Нет.

– Они могли появляться в неожиданных местах?

– Нет.

– Они говорили?

– Да.

Вера улыбнулась.

– Всё, я начинаю понимать. Я не буду заставлять тебя го-

ворить. Знаешь, в тот раз мы ужасно испугались, по всем признакам у тебя был инсульт. Я подумаю как ещё тебя расспросить. Только давай честно! Если не захочешь отвечать на какой-то вопрос, дай мне знать. И пожалуйста, не пожимай плечами!

– Я постараюсь. Я правда постараюсь.

Вера улыбнулась, поднялась, встала позади моего кресла и положила ладони мне на плечи.

– Если не сдержишься, я постараюсь не ругать. Я правда постараюсь.

И мы снова рассмеялись.

Плюшка, дремавшая всё это время на коврике, повела ушами и открыла глаза. Затем уселась и посмотрела мне в глаза. Затем спрыгнула, и вот она уже на подоконнике в гостиной и смотрит куда-то на балкон.

– Плюшка? – Вера подошла к ней. – Что с тобой? Костя, она что-то почуяла на балконе!

– Понял! – Тот самый фонарь, самый яркий, теперь висит на крючке в нашем с Верой кабинете. Чтобы всегда был под рукой. Я поднял его и открыл балкон. Плюшка немедленно выбежала туда, подбежала к стальному шкафу и принялась яростно, исступлённо царапать дверцу.

– Плюшка, подожди. Вера, принеси ключ, пожалуйста.

Вера ушла в кабинет, а Плюшка, неожиданно, успокоилась. Я включил фонарь, Плюшка отбежала от шкафа, с недовольным видом, а Вера осторожно открыла замок. Мы

приоткрыли дверцу...

Изнутри выпрыгнула трёхцветная кошка. И уселась, подёргивая кончиком хвоста. Мы заглянули внутрь – зеркало на месте – и закрыли дверцу шкафа.

Вера первой обрела дар речи.

– Машка?!

По всем признакам она. Трудно спутать такое сочетание цветных пятен на морде, и рыжее колечко на кончике хвоста. Определённо, она.

– Знаете, мадемуазель, – Вера присела на корточки. Машка тут же потёрлась о её колени и замурлыкала. – Вы нас очень напугали. Больше так не делайте. И сейчас вам не отвертеться от медосмотра, ясно? Костя?

Я кивнул. Да. Плюшка замурлыкала видимо, в знак солидарности. На пороге балконной двери появился Герцог: «Что тут происходит, что случилось?». К великому нашему удивлению, он тоже замурлыкал. Да громко!

– Всё, дамы и господа, уходим с балкона! – Вера мягко, но настойчиво выпроводила всех четвероногих в гостиную. – Костя, проверь, что шкаф заперт, и звони в клинику Филатовой, ладно?

Странно, но меня отчего-то не занимал вопрос: каким образом кошка могла появиться внутри запертого шкафа?

11. Магический квадрат

Всю дорогу не оставляло ощущение «дежа вю», вся разница была в том, что теперь в машине не две, а одна переноска. Машка спокойно смотрела по сторонам, довольная и бодрая кошка. Что же случилось? И каким образом она появилась в запертом шкафу?

– Видимо, вышла из зеркала, – предположила Вера. Она села за руль, сказала, что так проще держать себя в руках. Ехала уверенно, видимо, и впрямь помогает.

– Мысли читаешь помаленьку?

– Ну я же знаю, о чём ты думаешь. Как она попала в шкаф. В шкафу стоит зеркало. Вывод очевиден – мы же видели, как она прошла сквозь зеркало.

– Да, и в самом деле очевидно, – согласился я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.